SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Д. А. Коропчевский
  -
  - Глава I. Годы детства и юности
  - Глава II. Первые годы в Африке
  - Глава III. Три путешествия из Колобенга
  - Глава IV. Открытие нового пути к западному берегу Африки
  - Глава V. Путь к восточному берегу Африки
  - Глава VI. Приезд в Англию
  - Глава VII. Плавание по низовьям Замбези и по реке Шире. Открытие озера Ширва и Ньяса
  - Глава VIII. Возвращение с Макололо в Линьянти. Университетская миссия
  - Глава IX. Исследование реки Рувумы. Последняя поездка в Англию
  - Глава X. Путешествие к озеру Танганьика. Открытие озер Моэро и Бангвеоло
  - Глава XI. Свидание со Стэнли. Последнее путешествие и смерть Ливингстона. Заключение
  - Источники
- notes
  - 1

Д. А. Коропчевский
Давид Ливингстон. Его жизнь, путешествия и географические открытия

Биографический очерк Д. А. Коропчевского

С портретом Ливингстона, гравированным в Лейпциге Геданом, и с географической картой

Глава I. Годы детства и юности

Бедная семья. – Детство. – Работа на фабрике. – Вечерние классы и чтение. – Душевный перелом. – Поступление в университет Глазго. – Предложение Лондонскому миссионерскому обществу. – Испытания. – Окончание медицинского образования. – Выбор Африки для миссионерской деятельности.

Ливингстон был родом из горной Шотландии. Дед его с острова Ульвы переселился в 1792 году в местечко Блентайр в Лэнеркшире, расположенное на берегах Клейда, в семи милях от Глазго. Он работал там на шерстопрядильной фабрике и был известен своею честностью: хозяева поручали ему крупные суммы для доставления из Глазго на фабрику; еще о нем сохранилось сведение, что он не жалел денег на покупку книг для своих детей. У него было несколько сыновей, которые все погибли во время наполеоновских войн, за исключением одного, Нейля, бывшего отцом Давида Ливингстона. Нейль занимался разносной чайной торговлей и продажей брошюр религиозного и нравственного содержания. Ливингстон с величайшим уважением отзывается о характере своего отца. Вся жизнь его была проникнута сознанием христианского долга; он был миссионером в душе, отдавая все свободные часы чтению духовных книг, преподаванию в воскресной школе и участию в религиозных и благотворительных обществах. В 1810 году Нейль Ливингстон женился на Агнессе Гентер, происходившей из такой же бедной и почтенной семьи. После неудачной попытки устроиться в Глазго, молодые супруги переселились в Блентайр, где у них родилось пять сыновей и две дочери, из которых два мальчика умерли в детстве. Ливингстон вспоминает о годах своего младенчества как о времени вполне счастливом благодаря спокойной и трудолюбивой деятельности отца и добродушной, оживлявшей всю семью веселости матери. Если он чем-либо гордился, то именно происхождением от простых и честных родителей. На надгробном камне их он сделал следующую надпись: «Место упокоения Нейля Ливингстона и Агнессы Гентер, его жены. Их дети Джон, Давид, Жанетта, Чарльз и Агнесса благодарят Бога за своих бедных и благочестивых родителей».

Давид Ливингстон родился 19 марта 1813 года. Он был любимцем семьи, внося никогда не изменявшую ему веселость в игры братьев и сестер и в семейные вечерние собрания, в которых он с детской откровенностью рассказывал обо всем, что думал и что его интересовало! Начальное образование получил он в

деревенской школе. Десяти лет родители должны были отдать его на фабрику, где сначала он занимался разматыванием шерсти, а впоследствии получил место ткача. Из первого недельного заработка юноша купил себе латинскую грамматику и с величайшим рвением изучал этот язык после работы на фабрике, в вечерних классах, от восьми до десяти часов; ему нужно было вставать в шесть часов утра, чтобы идти на работу, но матери приходилось присматривать за ним, чтобы он не ложился спать позже полуночи. Работа на фабрике продолжалась от шести часов утра до восьми вечера, с небольшими перерывами для завтрака и обеда. Ливингстон, страстно любя чтение, клал книгу около машины и читал, хотя необходимость следить за работой не позволяла ему сосредоточиваться на чтении более одной минуты подряд. Он читал все, за исключением романов, которые вообще не пользовались почетом в его семье; к шестнадцати годам Ливингстон уже мог свободно читать Вергилия и Горация. Не довольствуясь чтением, в праздничные дни он вместе со своими братьями обходил окрестности города, изучая их в ботаническом, зоологическом и геологическом отношении.

На двадцатом году в душевной жизни Ливингстона произошла перемена, имевшая влияние на всю его судьбу. Еще с двенадцати лет он серьезно размышлял о своей греховности и считал себя недостойным к восприятию божественной благодати. Наконец наступило время, когда он почувствовал эту благодать в своей душе вместе с непреодолимым желанием посвятить себя служению Богу. Новую душевную жизнь, пробудившуюся в нем, он сравнивает с обращением апостола Павла, Блаженного Августина и других. Стремление исполнить завет Христа – «положить душу свою за людей» – определило его призвание. Он не сразу напал на мысль самому сделаться миссионером и сперва только отдавал обществу миссионеров все, что оставалось у него от удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Намерение сделаться миссионером явилось у него на двадцать первом году, после прочтения воззвания миссионера Гюцлафа, обращенного к английским и американским церквам относительно христианского просвещения Китая; с тех пор вся его энергия была направлена к осуществлению этого намерения. Когда он сообщил о нем духовнику и родителям, они ответили ему полным одобрением.

Ливингстон не хотел ограничить подготовку к деятельности миссионера одним изучением богословских наук и решился, кроме того, пройти курс врачебного искусства, чтобы быть еще более полезным для будущей паствы. Изучение медицины было сопряжено с большими затратами, но предстоявшие денежные

затруднения не остановили Ливингстона; он работал в течение шести летних месяцев для того, чтобы приобрести возможность во время зимнего семестра оплачивать свою жизнь в городе и слушание лекций. С помощью отца он отыскал себе комнату в Глазго, стоившую два шиллинга (90 коп.) в неделю. К концу семестра, в апреле 1837 года, молодой человек возвратился в Блентайр и продолжал работать на фабрике; но ему все-таки не удалось собрать нужную сумму на следующий семестр, и недостававшую часть ее он занял у брата. В первые два семестра Ливингстон слушал лекции греческого языка и богословия в университете и лекции медицинских наук в Андерсеновской коллегии; последние стояли для него на первом плане. В это время он сблизился с профессором физиологии Бьюкэненом, профессором химии Грегэмом и в особенности с ассистентом последнего Джемсом Юнгом, дружбу с которым сохранил в течение всей своей жизни.

Во втором семестре (1837—1838 годы) Ливингстон обратился к Лондонскому миссионерскому обществу с предложением своих услуг в качестве миссионера. В письме к лицам, заведующим обществом, он высказывает свое отношение к деятельности, которую искал для себя. «Прежде всего, – говорит он, – миссионер должен всеми зависящими от него средствами: путем проповедей, поучений, бесед, образования юношества – распространять евангельские истины, по мере возможности вносить в ту среду, где он находится, искусства и науки цивилизации и употреблять все усилия, чтобы христианство становилось доступнее сердцу и совести просвещаемых». Он не скрывает от себя всех трудностей, опасностей и испытаний, какие неизбежно встречают миссионера на его пути, и изъявляет полную готовность подвергнуться им, в надежде на помощь Божию, причем добавляет, что он не женат и не думает жениться, так как не хочет, чтобы семейные заботы отвлекали его от выполнения предстоящего ему долга.

Предложение Ливингстона было принято, и в сентябре 1838 года он был вызван в Лондон, чтобы представиться руководителям общества. Там он познакомился с Джозефом Муром, прибывшим из Южной Англии для той же цели и служившим впоследствии миссионером на острове Таити. Мур рассказывает, что чем ближе он узнавал Ливингстона, тем более привязывался к нему; несмотря на свойственную ему неловкость и вовсе не располагающую наружность, в нем было что-то необъяснимо привлекательное, одинаково действовавшее на всех имевших с ним дело. После предварительных испытаний миссионерское общество отправило Ливингстона и Мура к священнику Ричарду Сесилю, жившему в Онгаре в Эссексе, под

руководством которого будущие миссионеры должны были готовиться в течение трех месяцев. В обязанности учеников Сесил я входило сочинение проповедей, которые после исправления учителя должны были произноситься перед деревенской общиной. Дебют Ливингстона на этом поприще оказался крайне неудачным. В назначенный час он взошел на кафедру, громко и с чувством прочитал текст, но затем не в силах был что-либо произнести. Пробормотав: «Друзья, я забыл все, что хотел сказать», оратор поспешно сошел с кафедры и вышел из церкви. Он и впоследствии не сделался проповедником и вообще затруднялся говорить с кафедры в общественных собраниях. Но когда приходила очередь Ливингстона читать вечерние молитвы, он читал их так, что производил на слушателей глубокое впечатление. Исаак Тэйлор, прославившийся впоследствии как археолог и живший в детском возрасте в Онгаре, когда там находился Ливингстон, вспоминает, что в нем его особенно поражало соединение простоты и решительности. Через сорок лет после того он не мог забыть шага, каким ходил Ливингстон – крепкого, отчетливого, не слишком спешного и не слишком медленного, как будто выговаривавшего: «к цели».

Неудавшаяся проповедь Ливингстона и его своеобразное чтение молитв вызвали неблагоприятный отзыв о нем в отчете Сесиля миссионерскому обществу. Последнее готово уже было отвергнуть просьбу Ливингстона, но кто-то из состава совета предложил продлить время его испытания еще на несколько месяцев. Такое же дополнительное испытание должен был выдержать и Джозеф Мур. Наконец оба они были приняты в число будущих миссионеров. Ливингстон просил, чтобы ему разрешено было остаться еще некоторое время в Лондоне для завершения медицинского образования. Он познакомился с доктором Беннеттом, резидентом королевской коллегии врачей в Лондоне, и занимался медициной под его руководством. Благодаря госпитальной практике, какую мог ему доставить Беннетт, Ливингстон вскоре пополнил недоставшие ему практические сведения и, по отзыву Беннетта, приобрел необходимые познания в терапии и хирургии, оказавшие ему неоценимые услуги в его последующей деятельности. В свободное время Ливингстон работал в Гентеровском музее, изучая сравнительную анатомию под руководством знаменитого Ричарда Оуэна, внимание которого он привлек к себе горячей любовью к естествознанию. И на других лиц, знавших его в ту пору в Лондоне, он производил самое благоприятное впечатление. Помимо всегдашней доброты и готовности помочь страждущему и нуждающемуся, он оставил по себе память добродушной прямотой и неуклонным следованием

своим убеждениям, выказывая эти качества в общении со всеми, с кем ему приходилось встречаться. Однако никто еще не подозревал тогда замечательных умственных и нравственных сил, какие таились в нем, и даже руководители миссионерского общества были о нем невысокого мнения. Впрочем, как замечает биограф Ливингстона Гэрден Блэки, развитие его шло весьма медленно, и только в последний год своего пребывания в Лондоне он достиг настоящей умственной зрелости и отчасти выказал свои выдающиеся способности.

Ливингстон вынужден был отказаться от первоначального намерения ехать в Китай, так как Англия в то время была в состоянии войны с этим государством. В Вест-Индию ему ехать не хотелось, потому что наличие достаточного количества правительственных врачей не позволило бы там применить ему свой медицинские познания, а в Ост-Индию миссионерское общество не решалось отправить новичка, считая его недостаточно способным для занятия тамошних наиболее важных постов. Эти обстоятельства и встреча с известным африканским миссионером Моффатом указали ему Африку как место его будущей деятельности. В таком повороте своей судьбы Ливингстон видел только определение свыше и с величайшей радостью вступил на новый открывавшийся перед ним путь.

Перед отъездом из Лондона он опасно заболел, но возвращение на родину оказало благотворное влияние на его здоровье, и спустя недолгое время он уже был в силах предпринять предстоявшее ему далекое путешествие. В ноябре 1840 года он получил диплом доктора медицины в Глазго и заехал домой только на одну ночь, чтобы проститься с родными. Ему хотелось многое сказать им, он предложил даже просидеть всю ночь, но мать не позволила этого, и они легли в обыкновенное время. На другой день все встали в пять часов утра и отец пешком проводил сына до Глазго, где тот должен был сесть на пароход, отходивший в Ливерпуль. Здесь отец и сын простились в последний раз.

Глава II. Первые годы в Африке

Прибытие в Африку. – Взгляд Ливингстона т миссионерскую деятельность. – Поездки из Курумана для учреждения новой станции. – Маботса. – Чонуан. – Колобенг. – Женитьба. – Обращение вождя племени баквена.

20 ноября 1840 года Ливингстон принял посвящение в Лондоне и 8 декабря отплыл в Капскую колонию. Религия была для него постоянным, ежедневным делом жизни. Еще на пути к месту своего служения, находясь среди матросов, он заботится о духовном просвещении их и с огорчением замечает, что ему слишком мало удается сделать для своей цели. У него тогда уже складывается твердое убеждение, что тайна успеха в этом случае заключается в личном влиянии. По приезде на место его опять ожидало разочарование: ему пришлось убедиться, что миссионеры проникнуты далеко не одинаковым духом и даже не обладают необходимым для их дела беспристрастием. Между колонистами и туземцами существовала более или менее открытая вражда, и миссионеры принимали сторону или тех, или других. Для Ливингстона выбор не был затруднителен: он сразу стал на сторону туземцев, терпевших притеснения от колонистов.

Прибыв в бухту Алгоа, он высадился там и сухим путем доехал до Курумана, самой северной станции миссионерского общества в Южной Африке, составлявшей обычное местопребывание Моффата. Уже при этой поездке в Ливингстоне обнаружился будущий великий путешественник. По поводу ее он говорит, что путешествие доставляет ему величайшее наслаждение. Он с восторгом описывает все новое в царстве животных и растений, встречавшееся на его пути, и собирает естественнонаучную коллекцию для профессора Оуэна, которая, впрочем, не дошла по назначению.

Согласно полученным инструкциям, Ливингстон должен был остаться в Курумане, дождаться там возвращения Моффата из Англии и подготовить основание нового миссионерского пункта далее к северу; но для осуществления этого плана он должен был получить еще новые указания. Последние долго не приходили, и Ливингстон томился неопределенностью своего положения. В письме к руководителям миссионерского общества от 23 сентября 1841 года он высказывает свои воззрения на миссионерскую деятельность, которые выработал уже в то время и которых держался до конца жизни. По его мнению, население Южной Африки недостаточно густо, чтобы здесь могла сосредоточиваться миссионерская деятельность; для последней будет полезнее, если

поле ее раскинется как можно шире, повсюду, где есть доступ для нее и где можно приспособить для ее целей местные силы. Далее к северу население гуще, и ему хотелось немедленно отправиться туда в сопровождении другого миссионера, чтобы слиться с туземцами и изучить их язык и образ мыслей. Он намеревался взять с собою двух наиболее способных туземцев Курумана, уже обращенных в христианство, и содержание одного из них принимал на свой счет, если бы оно оказалось затруднительным для общества. Одно из самых действенных средств для распространения христианства среди дикарей он видел в подготовке учителей из туземцев; облегчая обращение последних, оно открывало для христианства страны, еще вовсе неизведанные. Что касается до него самого, то Ливингстон выказывал полную готовность жить среди дикарей, вдали от всякой цивилизации, хотя бы в течение целой жизни.

В конце того же года Ливингстон вместе с другим миссионером предпринял из Курумана поездку за 1050 верст с целью отыскать удобное место для миссионерского пункта и попытаться создать себе помощников среди темнокожего населения. Хотя в стране баквена ему удалось завязать дружественные сношения с их вождем Сечеле, нр он не был удовлетворен результатом этой поездки. В феврале следующего 1842 года он опять вернулся в те же места и пробыл там несколько месяцев, оставаясь всего долее в деревне Лепелоле – к югу от Шокуана, – резиденции Сечеле. Лишенный всяких сношений с европейцами, он занимался изучением языка и нравов баквена, что впоследствии оказало ему огромную услугу. Из Лепелоле он предпринимал поездки к северу, в страны, где живут племена бакаа, баманговато и макалоло, между 22° и 23° ю. ш. Повсюду проповедуя туземцам истины евангелия, помогая им в болезнях и действуя на них разумными и кроткими мерами, он все более и более приобретал любовь и уважение их. Хотя стремление расположить их к принятию христианства стояло для Ливингстона на первом плане, но он деятельно занимался и научным изучением этих неизвестных стран. Еще в свое первое путешествие он высказывает замечательные соображения о строении Африканского материка и о происходящем на нем процессе высыхания; тогда же он успевает насчитать двадцать три съедобных корня и сорок три плода в пустыне Кадагари, считавшейся лишенной растительности.

По возвращении в июне 1842 года в Куруман, Ливингстон еще не нашел там ожидавшихся распоряжений миссионерского общества относительно выбора миссионерского пункта. Но промедление не ослабляло его энергии. В письме к отцу в июле

того же года он писал: «Несмотря на все наши несовершенства, Слово Божие здесь распространяется. Новые души приобретаются нами для Христа и часто такие, на обращение которых нельзя было надеяться. В последнем месяце двадцать четыре человека были присоединены к церкви, и еще много желающих присоединиться».

На возвратном пути из последней поездки в Куруман Ливингстон наметил в стране племени бакатла красивую долину Маботсе для будущей миссионерской станции. До февраля 1843 года он не мог выехать из Курумана вследствие брожения, происходившего среди населения посещенных им стран. Несмотря на угрожавшую опасность, Ливингстон поехал в страну бакатла, чтобы решить вопрос о возможности основания там станции. Страна оказалась плодородною и население ее – склонным к принятию христианства; вождь племени, спрошенный о согласии на учреждение христианской миссии, ответил, что для Ливингстона, если тот приедет с этой целью, он устроит праздник, созовет своих людей, чтобы они обработали ему дад, и даст ему сахарного тростника и проса больше, чем есть у него самого. Найдя в Курумане ожидавшееся им разрешение миссионерского общества, Ливингстон в августе того же года выехал с другим миссионером в Маботсе, которой достиг после сорока дней пути. В долине, окруженной горами, он купил землю у вождя племени и начал постройку станции. Он выстроил хижину в двадцать два аршина ширины и восемь аршин высоты, в которой должны были жить он сам, другой миссионер и Мебальве, туземец из Курумана, которого Ливингстон подготовил себе в помощники. Место для станции было выбрано не только ввиду красивого и здорового положения ее, но и как средоточие для миссионерской деятельности: невдалеке от нее находилось более десяти деревень, доступ в которые был нетруден. В Маботсе с Ливингстоном произошел случай, едва не стоивший ему жизни. На него напал лев во время облавы на этих животных, жестоко опустошавших окрестности Маботсе. Лев, который упал было от выстрела Ливингстона, неожиданно приподнялся и бросился на смельчака; он опрокинул Ливингстона и стал уже на него передними лапами, но Мебальве, тщетно старавшийся выстрелить в страшного зверя, привлек к себе его внимание, и лев оставил своего распростертого врага, чтобы обрушиться на его товарища; грозный хищник тяжело ранил последнего, которого в свою очередь спас дикарь, вылеченный Ливингстоном от смертельной болезни; едва ли, однако, дикарь справился бы при помощи одного копья с таким противником, если бы пули, выпущенные Ливингстоном ранее, не оказали своего действия и лев не упал

мертвым. От нападения льва у Ливингстона оказалась сломанной левая рука и от его зубов – одиннадцать ран на той же руке. Несчастный миссионер мог спастись от этих повреждений только благодаря своему врачебному искусству, но от неправильно сросшегося перелома левая рука его оставалась ослабленной до конца жизни.

Мужество, выказываемое Ливингстоном при всякой опасности, и ласковое обращение с туземцами, к которым он всегда относился, как к детям, все более и более приобретали ему сочувствие окрестного темнокожего населения. Показывая дикарям пример христианской жизни своей неизменной кротостью и справедливостью, Ливингстон укреплял в них истины религии, дружески сближаясь со многими из них и поучая их на их родном языке. В то же время он изучал болезни, господствующие среди кафров, лечил их настолько удачно, что пациенты к нему приходили за двести верст, и занимался географическими и естественнонаучными исследованиями страны, избранной им для своего местопребывания. Присущее ему удивительное сочетание разнообразных нравственных и умственных интересов с замечательной подвижностью и впечатлительностью мысли лучше всего видно из его писем к родным из Маботсе. В одном из этих писем на первой странице он изливает все обилие христианской любви, которой полно его сердце, и с величайшей грустью рассказывает о смерти одного своего спутника, умершего от лихорадки, а на следующей странице чертит карту страны бакатла со всеми ее реками и горами и заканчивает письмо полушутливыми, получувствительными стихами. Сам постоянно нуждаясь в деньгах, которых ему отпускалось немного, к этому письму он прилагает вексель в десять фунтов стерлингов (85 руб.) для своих родных.

Летом 1844 года Ливингстон женился на Марии Моффат, старшей дочери своего друга, миссионера в Курумане. Он изменил прежнему намерению остаться одиноким ради лучшего успеха своего дела. Его жена, стоявшая близко к миссионерской деятельности как дочь миссионера и уроженка Африки, могла быть в высшей степени полезна мужу, оказывая влияние на женскую часть населения. Перед женитьбой Ливингстон выстроил для себя небольшой отдельный домик и после свадьбы поселился в нем с женой. Но ему не удалось наладить дело миссии в Маботсе. Кафры любили Ливингстона, но неохотно следовали стеснительным для них правилам христианского учения, и Ливингстон не мог добиться, чтобы их дети правильно посещали школу. К этим неудачам присоединились несогласия с другим

миссионером, жившим в Маботсе. Ливингстон, не желая смущать своих темнокожих друзей раздором между христианскими священниками, решился оставить выстроенный им дом с разведенным при нем садом и удалиться из Маботсе. Он направился к Сечеле, начальнику племени баквена, с которым еще в прежние поездки в эту местность завязал дружественные отношения, и устроил новую станцию в Чонуане, в стране баквена, верстах в четырнадцати от Маботсе. Переселение истощило его средства настолько, что жена его стала видимо слабеть от недостатка питания; ему пришлось съездить в Куруман, чтобы приобрести необходимое денежное пособие. Впрочем, ему недолго удалось прожить в Чонуане. Се-еле выказывал полное расположение не только к самому проповеднику, но и к его учению и даже предлагал Ливингстону своей властью обратить в христианство всех подвластных ему кафров; однако страшная засуха вскоре заставила Сечеле и все его племя искать другого места для жительства. Ливингстон советовал поселиться на берегу невысыхающей реки и провести из нее воду для орошения окрестных полей. Его совет был принят, и племя баквена направилось к реке Колобенг, в двенадцати верстах от Чонуана. Тотчас же был вырыт канал, который оказался чрезвычайно полезным для переселенцев. Для миссии было отведено место на небольшом скалистом возвышении над Колобенгом, и новая станция стала называться именем этой реки. Ливингстону пришлось в третий раз строить себе жилище, что было для него особенно трудно с больной рукой. Жена его должна была готовить кушанье, шить платье, приготовлять мыло и свечи и в то же время ходить за двумя детьми. Здесь дело миссии шло успешнее: народ сходился на воскресные службы, посылал детей в школу, и Сечеле решился наконец отпустить своих жен, приняв крещение. Тем не менее это обращение было единственным; остальные баквена, несмотря на все расположение к Ливингстону, не хотели следовать примеру своего начальника. Быть может, обращение Сечеле имело бы другое действие, если бы баквена не постигло новое бедствие в виде такой сильной засухи, что Колобенг высох и дно его оказалось усеянным мертвой рыбой. Следующий год был таким же сухим, и просо засохло, не созревши. Кафрам, наряду со многими другими дикарями, свойственно поверье, что некоторые люди обладают волшебным искусством низводить дождь на землю. Это искусство приписывается, между прочим, вождям племени, и Сечеле прежде славился им. Теперь он уже не соглашался поддерживать репутацию колдуна, и баквена обвиняли в том Ливингстона. Они уверяли, что любят его так, как

могут любить только человека, родившегося среди них, но в то же время упрашивали прекратить на некоторое время проповеди и молитвы, чтобы не мешать Сечеле низвести дождь.

Глава III. Три путешествия из Колобенга

Первая попытка проникнуть во владения Себитуане.– Сведения об обширной плодородной стране.– Озеро Нгами.– Смерть Себитуане.– Сешеке (Замбези).– Новые планы Ливингстона.– Поездка в Капштадт.– Отправление семьи в Англию. – Приезд в Линьянти. – Плавание по Замбези.

Верный своей идее расширять по возможности сферу влияния миссии, Ливингстон не думал долго оставаться у баквена. Ввиду постигшего их бедствия и угрожавшей им необходимости переселения Ливингстон должен был заботиться о перемене места своей деятельности на случай, если Колобенг будет покинут. Он часто слыхал от Сечеле о могущественном начальнике Себитуане, державшем под своею властью несколько племен и обитавшем к северу от большого озера. О существовании озера знали и в Капштадте, когда там был Ливингстон, и теперь он чувствовал страстное желание первым увидеть озеро. По слухам, Себитуане был человек большого ума и энергии, и Ливингстон надеялся завязать с ним сношения, чтобы учредить в подвластной ему области новую миссионерскую станцию.

Преследуя эту цель, Ливингстон выехал 1, июня 1849 года из Колобенга в сопровождении двух друзей, англичан Освелла и Меррея, и нескольких туземцев, которые должны были присматривать за быками и лошадьми. Им предстоял переезд через пустыню Калагари, который Сечеле считал настолько опасным в это время года, что отказался ехать с ними. Хотя Калагари не представляет такой безжизненной пустыни, как Сахара, но к июню она настолько высыхает, что люди и животные с трудом находят для себя воду. Ливингстону и его спутникам пришлось жестоко страдать от недостатка последней. Миражи дразнили путешественников; однажды Освелл и Ливингстон были убеждены, что видят большое озеро, но это было лишь отражение солнечных лучей в высохшем солончаке. 4 июля путешественники приблизились наконец к широкому водному пространству; это была красивая, многоводная река Зуга, о которой туземцы говорили, что она течет из озера. Уверившись, что слухи не обманули его, что он действительно приближается к большому пресноводному озеру, Ливингстон с облегченным сердцем следовал по течению обильной водою реки, на берегах которой была богатая и разнообразная растительность и часто попадались

деревни. Еще более широкие перспективы открылись перед ним, когда он дошел до впадения реки Таманакль в Зугу: он убеждался теперь в справедливости сведений, полученных от баквена, бывавших в области, подвластной Себитуане, что Таманакль – одна из многочисленных рек, орошающих эту область. Вместо громадной песчаной и плоской возвышенности, какую ученые предполагали в тех местностях, куда теперь направлялся Ливингстон, там оказывалась обильно орошенная, а следовательно, и плодородная страна. Это открытие наполняло таким восторгом душу Ливингстона, что открытие озера Нгами, к которому он подошел 4 августа, показалось ему уже не столь значительным, каким представлялось прежде. Между тем озеро было громадной водной поверхностью; противоположного берега его нельзя было видеть, и, по показаниям туземцев, нужно было не менее трех дней, чтобы объехать его кругом. Себитуане жил в трехстах верстах к северу от озера, но Ливингстон на этот раз не мог добраться до него. Лечулатебе, вождь племени бакобов, жившего у озера Нгами, желал видеть у себя Ливингстона, но не хотел, чтобы тот ехал к Себитуане: он опасался, что последний приобретет ружья у Ливингстона и его спутников и станет еще сильнее. Поэтому он запретил подвластным ему бакобам оказать Ливингстону необходимую для него помощь при переправе через Зугу. Ливингстон пробовал построить собственными средствами плот для переправы, несмотря на опасность от водившихся здесь во множестве крокодилов; однако работа оказалась ему не по силам, и время года было слишком позднее. Он решился выступить в обратный путь, с тем чтобы в другое время возобновить свою попытку проникнуть к Себитуане.

То, что сделал Ливингстон даже в это первое путешествие, не удавалось еще никому из путешественников по Южной Африке. Лондонское географическое общество, узнав из отчетов Ливингстона миссионерскому обществу о сделанных им открытиях, прислало ему свою благодарность и двадцать пять гиней награды. Это было первое признание научных заслуг Ливингстона и первое оглашение его имени в научном мире.

В апреле следующего 1850 года Ливингстон повторил попытку добраться до Себитуане и выехал из Колобенга в сопровождении Сечеле, Мебальве, двадцати баквена, жены и детей, которых тогда у него было трое. Ему было так тяжело расставаться с семьей, что он решил взять ее с собою несмотря на опасности, какими грозило путешествие по безводным или лихорадочным местностям. Цель путешествия и на этот раз не была достигнута. Путешественников поджидало множество затруднений: по берегам Зуги растительность была чрезвычайно

густа, и приходилось вырубать деревья, чтобы очищать дорогу для повозок; на берегах Таманакля оказалась страшная муха цеце, укус которой смертелен для рогатого скота и лошадей. Доехав до озера Нгами, Ливингстон хотел оставить свою семью на попечение Лечулатебе, который уже успел выпросить за то дорогое ружье, но двое детей заболели лихорадкой, и Ливингстон поспешил вернуться домой.

Третье, более удачное путешествие было предпринято им через год, в апреле 1851 года. Он выехал из Колобенга в сопровождении Освелла и семьи, намереваясь перенести свое местопребывание в более здоровую местность, которая, по его предположению, должна была находиться к северу от озера Нгами. Путники ехали прежней дорогой и должны были пересечь Калагари в то время, когда пустыня особенно страдала от засухи. Проводник-бушмен сбился с дороги, и в течение четырех дней путешественники вовсе были лишены воды. Но, вместо того чтобы упрекнуть проводника за неосторожность и выразить опасение за участь детей, Ливингстон, как рассказывает он в своем дневнике, в эти дни сблизился с проводником и всего более сожалел, что такой способный и правдивый народ, как бушмены, лишен света христианской веры.

Дети Ливингстона жестоко страдали от тяжелых переездов и укусов москитов, и он все более и более сознавал невозможность путешествовать вместе с ними; с другой стороны, ни в Колобенге, ни в Курумане нельзя было оставить их с уверенностью за их безопасность ввиду нападений голландских поселенцев (буров), ярых противников английской миссии, препятствовавшей им эксплуатировать местное население. Для Ливингстона представлялся только один исход – отправить семью в Англию в надежде, что со временем она вернется к нему, когда он найдет здоровую и спокойную местность во владениях Себитуане.

На Себитуане Ливингстон возлагал большие надежды. Народная молва прославляла этого могущественного вождя за его мужество и умение покорять людей не только силой, но и добротой. Ливингстону было известно, что Себитуане давно уже желает его видеть и встретит его вполне благосклонно. Приобрести расположение властителя обширной страны было делом весьма важным для успеха миссии; можно было рассчитывать, что в обширных пределах, в которых распространялась власть Себитуане, окажется наконец здоровое и удобное место для миссионерского пункта, какое искал Ливингстон. Прием Себитуане как нельзя более соответствовал его ожиданиям. Он выехал навстречу белым людям (Ливингстону и Освеллу), выказал большую радость при свидании с ними и

просил ни о чем не заботиться, так как он доставит им все необходимое. Ливингстон называет Себитуане «бесспорно самым замечательным человеком во всей этой стране»; он был высокого роста и крепкого сложения, со светло-коричневым цветом кожи, и обращение его отличалось достоинством и добродушием, какого Ливингстон не видал ни у одного из африканских властителей. Он подарил гостям несколько быков и кружек меду и несколько выделанных бычачьих шкур, которые должны были заменять одеяла. На другой день после приезда европейцев, еще до рассвета, Себитуане пришел к Ливингстону и Освеллу, уселся у костра и рассказал им свою историю, как он из вождя небольшого племени сделался властителем многих племен, расселенных на обширном пространстве. Себитуане присутствовал на первом богослужении в следующее воскресенье, и Ливингстон искренно радовался, что на его долю выпало возвестить евангельские истины выдающемуся властелину неведомой страны. Себитуане относился к нему с безусловным доверием, и близость их возрастала со дня на день, но скоро наступил неожиданный и ужасный ее конец: Себитуане заболел воспалением легких и умер после двухнедельной болезни. Ливингстон не решился взять на себя его лечение, опасаясь, что неудачный исход болезни может навлечь месть на него самого и на его семью со стороны приближенных и подчиненных Себитуане.

Смерть Себитуане была тяжелым ударом для Ливингстона, который уже надеялся распространить христианское учение в обширной стране, где о нем еще не слыхали. Власть умершего вождя переходила по закону страны к старшей дочери его, Мамочисане, и та дала Ливингстону разрешение объехать все ее владения. Ливингстон и Освелл двинулись в северо-восточном направлении, проехали через город Линьянти, служивший столицей Себитуане, и 3 августа очутились на берегу величественной реки. Эта река, называвшаяся здесь Сешеке, была Замбези, которая в то время была известна лишь в своем нижнем течении. Открытие Ливингстона, указывавшее, что Замбези протекает в этой стране, было величайшей новостью для географов и считается одним из важнейших открытий знаменитого путешественника. На этот раз он не мог осмотреть ни порогов, находящихся выше, ни водопадов, встречающихся ниже того места, где он видел Замбези; убедившись, что берега этой реки, густо поросшие тростником, неудобны для поселения и не защищают от нападений враждебных племен, Ливингстон отказался от мысли устроить здесь миссионерский пункт и решился предпринять обратную поездку в Колобенг.

Во время этого пути у него еще родился ребенок, которого он

в честь своего друга назвал Уильям-Освелл Ливингстон. Старший сын его несколько раз подвергался опасным приступам лихорадки. Затруднения, какие испытывала семья Ливингстона, чрезвычайно заботили его, но нимало не отклоняли от намерения по возможности расширять сферу влияния христианской миссии, в чем он видел исполнение своего главнейшего долга. Слава знаменитого путешественника, которую он приобретал с каждым новым открытием, не столько занимала, сколько смущала его. В своих письмах Ливингстон даже отвергает возможность предположения, будто он ищет этой славы. «Я миссионер душой и телом, – пишет он отцу. – Бог послал на землю Своего Сына, который был миссионером и врачом, и я желал бы идти по Его следам, насколько достанет моих сил; в этом служении я надеюсь жить и в нем хотел бы умереть». В то время у него возникла и другая великая идея – уничтожение торговли невольниками путем открытия сообщения с морем внутренних стран Африки, чтобы обитатели последних могли выменивать европейские товары на местные произведения вместо живых людей.

Ливингстон нашел Колобенг покинутым баквена. Голландские колонисты напали на них, угнали скот и увели у Сечеле детей: они мстили ему за преданность английскому миссионеру. Как ни тяжело было Ливингстону покидать баквена, среди которых ему пришлось прожить так долго, но ввиду дальнейших намерений он считал это необходимым. Миссионер поехал сперва в Куруман и оттуда в Капштадт. Денежные затруднения его были так велики, что он не мог сшить себе нового платья взамен давно износившегося в течение одиннадцатилетних переездов. И на этот раз его выручил «лучший друг, какой у него когда-либо был в Африке», Освелл. Тому стоило, однако, большого труда уговорить его принять часть денег, полученных от продажи слоновых клыков, добытых им на охоте во время поездок с Ливингстоном. В то время англичане, вели войну с кафрами, и сочувствие, открыто высказываемое Ливингстоном притесняемым дикарям, навлекало на него неудовольствие администрации, обвинявшей всех миссионеров, заступавшихся за дикарей, в недостатке патриотизма. Ливингстон решился наконец отправить жену и детей в Англию. В письме к директорам миссионерского общества он объясняет, что решается отдать дело воспитания своих детей в чужие руки, не желая, чтобы они были людьми без родины, какими должны быть дети миссионера, не пользующегося сочувствием и поддержкой своих соотечественников…

Семья его уехала из Капштадта 23 апреля 1852 года. Он должен был пробыть еще два месяца в Капштадте, преодолевая

всевозможные препятствия со стороны администрации, отказывавшей ему даже в продаже пороха и свинца. Это время он употребил на то, чтобы избавиться от опухоли на шее, давно уже мучившей его, и на изучение приемов определения широты и долготы под руководством астронома Маклира. Лишь 8 июня оставил он Капштадт, причем мог достать для своей поездки только тощих и изнуренных быков, хотя поклажа его была значительна вследствие множества посылок, которые надавали ему для попутных городов и станций; поэтому он достиг Курумана лишь в самом конце августа, но был задержан там поломкой колеса. Однако это промедление спасло ему жизнь. Если бы он еще в августе попал в Колобенг, то не избежал бы яростного нападения враждебных ему буров, в его отсутствие разграбивших его дом; все, что было ценного, они унесли с собою, а остальное переломали или перебили. Ливингстон был теперь лишен всего своего имущества, но он высказывал сожаление только о книгах и был скорее доволен, чем огорчен освобождением от лишних забот.

Знаменитый путешественник знал, что буры угрожают ему еще большими затруднениями: считая его влияние на темнокожее население безусловно вредным для себя, они решились не пропускать его в глубь Африки. А Ливингстон в своем намерении пройти во внутренние, еще неизвестные страны и внести в них свет христианства видел дело своей жизни и писал своему тестю Моффату, что он или проникнет в эти отдаленные области, или погибнет. Беспокойное состояние страны долго не позволяло ему найти проводников, какие были нужны, чтобы достигнуть владений Себитуане. Только в конце декабря 1852 года он мог оставить Куруман в сопровождении Джорджа Флеминга и торговца Реттерфурда. Он уклонился к западу от прежнего направления, желая обойти местности, населенные бурами, и в июне 1853 года прибыл в Линьянти, столицу макололо, составлявших главное ядро подданных Себитуане. На своем пути Ливингстон должен был преодолеть множество трудностей и опасностей. Ему пришлось перебраться через такую сухую часть Калагари, что жившие там бушмены вытягивали воду из ила с помощью страусовых перьев. Чтобы доставить быкам хоть самое небольшое количество влаги, эти жалкие водопои надо было тщательно защищать от носорогов и других крупных травоядных животных степи. Далее предстояло пройти через громадный солончак. За ним начиналась более плодородная страна с обильной травяной растительностью и лесами; но затем потянулись пространства, столь густо заросшие кустарником, что дорогу надо было прокладывать с величайшими усилиями при

помощи топора. Потом перед путниками открылась равнина, едва просыхавшая от недавнего наводнения; с сырой почвы поднимались испарения, вызывавшие сильные лихорадки. Даже дикари страдали от них; болезнь, к счастью, не коснулась Ливингстона, но ему приходилось ухаживать одному за всеми больными и для обеспечения их продовольствием охотиться на зебр и буйволов. Путники должны были идти то густыми лесами, где нужно было рубить большие деревья для очищения пути, то травянистыми степями, в которых трава была выше повозок, то пространствами, покрытыми водою, где Ливингстон по несколько часов оставался по пояс в воде, помогая выгонять оттуда быков и вытаскивать повозки. Эти водные пространства были разливы реки Чобе, одного из крупных притоков Замбези. Дойдя до широкой реки, Ливингстон узнал, что это Саншуре, юго-восточный рукав Чобе, и хотел воспользоваться им, чтобы проникнуть в Чобе, на которой стоит Линьянти. Целыми днями, по шею в воде, он искал со своими людьми переправы и, не найдя ее, пустился вплавь на плоту, рассчитывая попасть в Чобе. После целого дня тяжелой работы они уперлись в сплошную стену из камыша саженной высоты. Осмотрев на другой день местность с высокого дерева, Ливингстон увидел громадное водное пространство и узнал, что это самая широкая часть Чобе. Взяв себе в помощь одного из спутников, он пытался попасть на ближайший из островов. Им пришлось пробиваться через камыш и через острую траву, края которой рассекали платье и тело. Чтобы пройти через камышовую чащу, настолько высокую, что Ливингстон чувствовал себя перед нею карликом, нужно было пригнетать камыш и траву до тех пор, пока на них не делалось возможным стать ногами. Добравшись до острова, они увидали, что открытое водное пространство находилось оттуда на расстоянии около двадцати пяти саженей и что водяные растения были здесь еще выше и толще. К счастью, они нашли проход, сделанный бегемотами, и, по шею в воде, добрались до открытой реки. Весь караван трудно было провести этим путем. На следующее утро Ливингстон, поднявшись на муравьиную кучу, достигавшую четырех саженей высоты, увидал проход в Чобе и решился пуститься в путь на плоту, хотя ширина рукава доходила здесь до пятидесяти саженей. Путники наехали на бегемота, который едва не опрокинул плот; от полудня до солнечного заката они плыли, ничего не видя, кроме громадных зарослей камыша по обоим берегам, и уже готовились провести ночь на плоту, когда их неожиданно увидали жители деревни Мореми, населенной макололо, которыми управлял старшина, знакомый Ливингстону. С помощью присланных им людей Ливингстон

вернулся к своим повозкам и узнал, что из числа его быков десять пали от укусов мухи цеце. Однако через несколько дней явились люди, присланные из Линьянти, и провели караван Ливингстона до этого города.

За время отсутствия Ливингстона в стране макололо, там произошла новая перемена правления: Мамочисана отказалась от власти в пользу своего брата Секелету. Последний был восемнадцатилетний юноша, не унаследовавший от отца ни физических, ни умственных качеств, но все-таки дружески расположенный к Ливингстону. Макололо, в ожидании Ливингстона, обработали для него небольшое пространство земли, которое засеяли маисом; маис был снят, истолчен в муку и в этом виде передан Ливингстону; Секелету прислал еще ему и его спутникам несколько кружек меду и большой запас земляных орехов; каждое утро и каждый вечер им приносили удой от двух коров и кололи еженедельно одного или двух быков. Хотя Секелету не обнаруживал желания принять христианство, чтобы не расставаться со своими женами, однако он не препятствовал Ливингстону собирать народ для чтения Библии и толкования ее. Макололо сходились в числе шестисот-семисот человек на проповедь Ливингстона и со вниманием слушали его. Многих, в том числе тестя Секелету и его самого, Ливингстон пробовал учить читать, и после первых затруднений дело, вероятно, пошло бы успешно, если бы Ливингстон дольше остался в Линьянти. Покровительство Секелету и любовь населения не могли уравновесить опасности, какую представляло пребывание в Линьянти вследствие свойственных ему лихорадок. Ливингстон непременно хотел исследовать всю страну, подвластную Секелету, в надежде найти где-либо более здоровую местность. Секелету, после тщетных попыток склонить Ливингстона остаться в Линьянти, объявил, что сам примет участие в его путешествии, и подарил ему несколько ценных слоновых клыков.

В сопровождении Секелету и 160-ти его подчиненных Ливингстон направился в страну баротсе, покоренных макололо. Вскоре они пришли к Замбези, где должны были ожидать несколько дней, пока соседние деревни выслали достаточное количество лодок для их движения по реке. Плавание по Замбези доставило большую отраду Ливингстону. На величественной реке леса подступают иногда к самым берегам, а в других местах далеко отходят от них, открывая обширные травянистые пространства. Эти прибрежные местности, ежегодно орошаемые наводнением Замбези, отличаются замечательным плодородием, и обитателям их не приходится терпеть нужду, какую испытывают жители более сухих стран Африки. Продолжая отыскивать

местность, безопасную для здоровья белого человека, Ливингстон расстался с Секелету и отправился далее вверх по Замбези. Он доехал до слияния Либы с Замбези, не найдя того, чего искал: все осмотренные местности или грозили лихорадкой, или в них водилась муха цеце. Во время пребывания в стране баротсе Ливингстон всякий раз, как выходил на берег, проповедовал Евангелие дикарям, готовя почву для будущих миссионеров. В своих дневниках и письмах он повторяет твердое желание дать возможно большему числу людей хотя бы некоторое понятие об учении Христа, предоставляя обращение отдельных лиц будущим деятелям миссии. Ни болезни, ни безуспешные попытки основать прочное миссионерское поселение в стране Секелету не ослабляли его энергии. Вернувшись в Линьянти, Ливингстон стал готовиться к открытию нового пути к западному берегу.

Глава IV. Открытие нового пути к западному берегу Африки

Выступление из Линьянти. – Переход до Либы. – Страна Лунда. – Вожди Шинте и Катема. – Озеро Дилоло. – Водораздел северных и южных рек. – Враждебные племена. – Река Кванго. – Португальские поселения. – Пребывание в Сан-Паулу-ди-Луанда. – Возвращение в Линьянти.

Путешествие, какое теперь предпринимал Ливингстон, было несравненно труднее и опаснее прежних. Признавая необходимым для просвещения Африки и уничтожения торговли невольниками открыть путь из внутренних районов материка к Атлантическому океану, он задумал направить его к Сан-Паулу-ди-Луанда. Дорога из Линьянти в Сан-Филиппо-ди-Бенгуэла была уже известна, но ею пользовались торговцы невольниками, и Ливингстон хотел обойти ее. Ему предстояло проходить странами, в которых никогда не видали европейца, и почти без всяких средств. За исключением слоновых клыков, подаренных Секелету, нескольких быков и незначительного запаса кофе, платья и проч., Ливингстону нечего было взять с собою. Живая вера в то, что Бог охраняет и направляет его как орудие просвещения язычников Африки, однако, не оставляла Ливингстона и не позволяла ему колебаться. Он имел в виду, что ему, быть может, уже не удастся вернуться; в его дневниках сохранились строки, в которых он поручает детей Богу и просит друзей передать им на память о нем его часы, медаль Парижского географического общества и двуствольное ружье, – все, что он мог оставить им.

Болезненное состояние, в котором находился Ливингстон после продолжительной и упорной лихорадки, не остановило его. Пользуясь приближением более прохладного и влажного времени года, 11 ноября 1853 года он выступил из Линьянти с 27 спутниками. По извилистому течению Чобе экспедиция спустилась к Замбези и по этой реке поднялась вверх до города Сешеке. Мучимый приступами лихорадки, Ливингстон остановился там и, несмотря на упадок сил, произносил поучения перед собиравшимися к нему туземцами. Несколько оправившись, он продолжал путь вверх по реке и 9 декабря прибыл в город Налиле, столицу Секелету. Период дождей уже начался, но термометр на открытом воздухе все еще не опускался ниже 26° R. Теплый и сырой воздух усиливал приступы перемежающейся лихорадки, к которой присоединилась еще дизентерия. Тем не

менее Ливингстон, напутствуемый самыми сердечными пожеланиями туземцев, оставил Налиле и 27 декабря достиг устья Либы. Отсюда начиналась вполне неизведанная страна Лунда, населенная балундами, платившими дань могущественному властителю, носившему титул «Матиамво» и жившему далее к северу. До того времени Ливингстон находился в границах кафрской расы; теперь он вступал в пределы расселения настоящих негров. Белый человек здесь был невиданным явлением, и балунды с удивлением рассматривали Ливингстона. К его спутникам из племени макололо балунды относились враждебно, так как находились в войне с их народом. Ливингстону удалось убедить балундов, что он пришел с мирными намерениями, и внушить им такое доверие, что начальница поселения, Ньямоана, приняла его в открытой аудиенции. Ее дочь Маненка, начальница другой деревни, вызвалась даже сама проводить Ливингстона к своему дяде Шинте, начальствовавшему над племенем, жившим в стороне от Либы. Ливингстон должен был согласиться на это предложение: ему объяснили, что на Либе его ожидали пороги и сопровождавшим его макололо могло угрожать недружелюбное им племя, жившее к западу от реки.

11 января 1854 года его караван выступил под предводительством Маненки. Местность, по которой приходилось идти, была покрыта лесом, чередовавшимся с травянистыми пространствами. Два первых дня шел сильный дождь, вызывавший у Ливингстона жестокие приступы лихорадки; несмотря на содействие Маненки, продовольствие можно было добывать только с величайшим трудом и в количестве далеко не достаточном. Чем далее к северу, тем лес становился гуще, и дорогу приходилось прокладывать топорами. Изредка лесная чаща открывала вид на красивую долину или на равнину с горами на горизонте. Маненка остановилась в деревне, находившейся вблизи от города, где жил ее дядя, чтобы, по обычаю страны, известить его о прибытии чужеземцев и попросить его разрешения войти в город. Шинте немедленно прислал сказать, что белый человек может беспрепятственно пройти через его страну. 16 января Ливингстон вошел в столицу Шинте, в которой увидал четырехугольные дома с круглыми крышами и сады, где возделывались табак, сахарный тростник и бананы. Шинте принял его весьма радушно и выразил полное одобрение намерению Ливингстона установить продажу местных произведений европейцам. Ливингстон пытался проповедовать и балундам, но нашел у них сильно развитое идолопоклонство и множество суеверий, которых не было у кафров. Ему удалось

занять их только картинами из Священного писания, которые он показывал им с помощью волшебного фонаря. Жестокие ливни принудили Ливингстона пользоваться гостеприимством Шинте долее чем он предполагал, а именно в течение десяти дней. При отъезде Ливингстона Шинте подарил ему ожерелье с дорого ценимой там конической раковиной и дал проводника, который должен был заботиться о продовольствии путешественников в подвластной ему стране. Но проводник ничего не мог доставить им, кроме корня маниока, неприятного на вкус и малопитательного. Переправившись через Либу, составлявшую границу владений Шинте, путники очутились на обширной равнине, покрытой водою вследствие непрерывных дождей. Нужно было переходить еще через мелкие притоки Либы, и Ливингстону, ехавшему на быке, вода доходила почти до колен, а иногда выше пояса. Наконец места, покрытые водою, были пройдены, и путешественники, дойдя до берегов Локалуи, впадающей с северо-востока в Либу, оказались в плодородной стране, где целый год сеют и жнут. Попытки Ливингстона говорить с туземцами об учении Христа имели здесь всего менее успеха вследствие незнания их языка, вынуждавшего его обращаться к помощи переводчика, и. вследствие слишком первобытных религиозных воззрений этих людей.

В половине февраля Ливингстон пришел к городу, которым управлял Катема, властитель обширной страны. Катема благосклонно принял миссионера и, узнав о цели его путешествия, дал ему трех проводников, объяснив, что хотя путь в северо-восточном направлении ближе, но теперь он находится под водою и путникам следует идти к северу. Двигаясь дальше, Ливингстон открыл озеро Дилоло. За ним лежала обширная травянистая равнина, покрытая водою. Пройдя ее и очутившись опять в населенной стране, находившейся под властью Катенда, Ливингстон убедился, что оставшаяся позади него равнина составляет водораздел между южными и северными реками: реки, какие ему приходилось встречать на дальнейшем пути, уже впадали в Касаи, которая впоследствии оказалась притоком Конго. Характер местности тут был уже иной: вместо лесистых и травянистых равнин, перерезываемых широкими реками, здесь часто попадались глубокие долины, в которых протекали речки, теперь разлившиеся от дождей. Переправа через них составляла главнейшее препятствие при дальнейшем следовании каравана. Затруднения усиливались еще алчностью жителей, испорченных соприкосновением с торговцами невольниками и привыкших требовать за всякую ничтожную услугу, даже за право прохода через их страну, богатых подарков. Более всего они требовали

пороху и бумажных тканей. Но в порохе Ливингстон сам нуждался, а материй у него не было. Первый из вождей, с которым ему пришлось иметь дело, потребовал за право прохода через его владения человека, слоновый клык, бусы и медные кольца или раковину, но в конце концов удовольствовался старой рубашкой. В стране племени чибокве едва не произошло кровопролития. За невозможностью достать продовольствие на месте Ливингстон велел заколоть одного из своих быков и часть его послал Ньямби, начальнику племени. Не удовольствовавшись полученным подарком, Ньямби пришел с вооруженными людьми и настойчиво требовал выдачи человека, быка, ружья, пороху и какой-нибудь одежды. Хотя люди его наступали с громкими криками и с обнаженными мечами, а некоторые даже целились из ружей в Ливингстона, тот нимало не терял хладнокровия и, сев на дорожный стул, с ружьем на коленях, предложил Ньямби занять место против него. Желая прийти к дружелюбному соглашению с последним, он дал ему бус и платков, но требования чибокве все возрастали. Провожатые Ливингстона, макололо, привыкшие к военному делу под руководством Себитуане, давали понять, что они легко справятся с нападавшими чибокве, но Ливингстон желал во что бы то ни стало избежать кровопролития. Отказавшись дать что-либо еще, он спокойно выжидал окончания тяжелой сцены. Ньямби и его свита поняли опасность, какою им угрожали макололо, и, выпросив еще одного быка, удалились, обещав прислать взамен провизии для путешественников. На другой день Ливингстон получил маленькую корзиночку с овощами и двумя-тремя фунтами мяса. Жертвы, принесенные Ливингстоном, чтобы выйти благополучно из этого столкновения, были тяжелы для него; однако он не думал о них, радуясь, что человеческая кровь не была пролита в эти опасные минуты.

Целую неделю путешественник не в силах был двинуться дальше из-за сильнейших приступов лихорадки, заставлявших его терять сознание. Придя в себя, он увидал, что люди его обнесли их стоянку частоколом и стоят на страже с оружием в руках. Оказалось, что чибокве окружали стоянку и настаивали на первых заявленных ими требованиях. Чтобы отделаться от них, Ливингстон выдал им еще одного быка и тотчас же снялся с места. Пришлось идти густым лесом, где каждую минуту можно было ожидать засады. Все шли плотно, держась друг около друга, не произнося ни одного звука. Дождь лил потоками, и с наступлением темноты движение затруднялось ползучими растениями. Ливингстону трудно было удерживать своего быка, и в одном месте, когда тот неожиданно пустился вскачь, он упал с

него и больно ударился головой. К счастью, это падение не ухудшило состояние его здоровья. Тем не менее он переносил тогда жестокие страдания и от постоянной лихорадки превратился почти в скелет; шерстяное одеяло, заменявшее ему седло, было всегда так мокро, что даже не просыхало на солнце, и ноги его были стерты так, что всю дорогу не заживали; от жесткого ложа на земле он натирал себе раны на тех местах, где обозначались кости на отощавшем теле.

30 марта он дошел до крутого спуска, которым оканчивалась плоская возвышенность. Перед ним лежала теперь широкая долина реки Кванго. Здесь начиналось местообитание другого народа, башиньев, но и тот относился к путешественникам так же беспощадно, как и балунды. Башиньи не давали Ливингстону лодок, чтобы переправиться через Кванго, и он напрасно предлагал им единственную оставшуюся у него вещь – шерстяное одеяло. Люди его, множество раз приходившие в отчаяние и требовавшие возвращения в Линьянти, теперь почти не имели надежды на благополучный исход путешествия, хотя были уже у границы португальских владений. Ливингстон все-таки советовал идти далее вверх по берегу Кванго, рассчитывая где-нибудь найти переправу. Трудно сказать, чем бы разрешилось это затруднение, если бы на помощь путникам не явился португальский сержант, Киприан де Абрао. Башиньи преследовали их выстрелами; однако сержант благополучно провел их по узкой тропинке, пролегавшей в высокой траве, до своего жилища. Удерживаемый дождями и усталостью, Ливингстон пробыл пять дней в гостях у сержанта, который угощал путников всем чем только мог и дал им муки из маниокового корня на дорогу. Через три дня тяжелого перехода по высокой траве, в которой протекали мелкие притоки Кванго, караван достиг португальского поселения Касанга. Когда Ливингстон показал коменданту свой паспорт, тот с величайшей любезностью пригласил его к себе на ужин. Ливингстон с благодарностью вспоминает, какое удовольствие доставил ему сытный ужин и теплая, сухая постель, которых он так давно был лишен.

От Касанга до берега моря оставалось еще около ста верст. Последний переход не представлял уже прежних затруднений: в деревнях можно было найти хижины, устроенные для путешественников; туземцы страны, басонги, были учтивы и сами предлагали покупать у них съестные припасы; во всех поселениях, где были португальские чиновники, последние гостеприимно встречали Ливингстона. Это гостеприимство было особенно дорого для него; он чувствовал себя настолько ослабленным, что забывал дни, недели, имена своих спутников и даже едва ли бы

мог назвать свое имя. Конец пути пролегал по красивой, плодородной местности; но ни богатство страны, ни близость места назначения не придавали бодрости крайне изнуренному путешественнику. Его тревожил вопрос, какого человека найдет он в единственном англичанине, которого ему предстояло встретить в Сан-Паулу-ди-Луанда и с которым ему приходилось иметь дело как с уполномоченным английского правительства для уничтожения невольничества в Западной Африке.

Когда 31 мая 1854 года он прибыл наконец в Сан-Паулу-ди-Луандо и встретился с уполномоченным Эдмундом Габриэлем, все тревоги его рассеялись. Габриэль с первых минут свидания пригласил его к себе и выказывал ему такую дружбу и заботливость, что Ливингстон не мог желать ничего лучшего. Во все время пребывания в Луандо, продлившегося до 20 сентября вследствие возвращения приступов лихорадки и крайней слабости, он пользовался величайшей любезностью и самым искренним участием представителей португальской администрации и английских морских офицеров. Последние настойчиво убеждали его поехать с ними в Англию ввиду его крайне ослабленного здоровья. Ливингстон не мог согласиться на это заманчивое предложение: он обещал провожавшим его макололо отвести их на родину и хотел во что бы то ни стало исполнить свое обещание.

Он предпринял обратное движение в Линьянти 20 сентября 1854 года. Различные причины задерживали его на пути. Чувствуя себя крепче прежнего, он занимался теперь определением широты и долготы многих мест, через которые проходил, внес немало поправок в существовавшие до тех пор карты приморской португальской провинции Анголы, делал съемки проходимого пути и изучал подробнее попутные страны в географическом и этнографическом отношениях. В португальском поселении Голунго-Альто Ливингстон, найдя больным тамошнего коменданта, стал лечить его и управлял его хозяйством до тех пор, пока тот не выздоровел. В Касанге до него дошла весть, что корабль, который должен был везти его в Англию, если б он согласился на предложение английских моряков, и на котором он отправил свои бумаги, погиб около острова Мадера. Ливингстону пришлось восстанавливать карты, письма и извлечения из дневников, не дошедших по назначению; все это настолько задержало его, что он оставил пределы Анголы лишь в конце февраля 1855 года. Перейдя реку Кванго, Ливингстон вновь очутился среди враждебных племен и опять несколько раз подвергался серьезной опасности от их нападений, не говоря уже о болезнях, постигавших его самого и провожатых, и крайней

скудости продовольствия. Дойдя с величайшим трудом до владений Катемы, путешественник вздохнул свободнее: теперь он уже был в области дружественно расположенных к нему кафров. В сентябре 1855 года, проведя год в пути, Ливингстон вступил в Линьянти, доведя до него благополучно всех взятых им людей.

Секелету и жители Линьянти встретили его с большой радостью и убеждали остаться у них или по крайней мере дать себе продолжительный отдых. Все они понимали значение того, что сделал для них настойчивый миссионер, открыв новый торговый путь к морю. И Лондонское географическое общество, которому Ливингстон послал подробный отчет о путешествии в Луанду, оценило величайшую важность его открытий, назначив ему свою высшую награду – золотую медаль. Президент общества лорд Эллисмер отзывался с удивлением о беспримерном подвиге, совершенном Ливингстоном, который без всяких средств и поддержки, вынося непрерывную борьбу с болезнью и неприязненно настроенными дикарями, прошел через всю Южную Африку, от Капштадта до Луанды, и открыл для науки и торговли громадную плодородную область там, где предполагалась необитаемая пустыня. Но сам Ливингстон не был удовлетворен результатами своего путешествия: правда, он проник до западного берега, но открытый им путь был затруднителен и опасен, и он не встретил на нем места вполне удобного для основания миссионерской станции. Долг миссионера, которому прежде всего повиновался Ливингстон, указывал ему необходимость искать удобный путь к противоположному, восточному берегу.

Глава V. Путь к восточному берегу Африки

Проводы Ливингстона. – Водопады Виктории. – Страна племени батока. – Научные выводы Ливингстона. – Враждебные племена. – Переправа через Замбези. – Прибытие в Тете, Сену и Килиман.

Уже в октябре Ливингстон готов был начать путешествие к восточному берегу и, только уступая советам туземцев, остался еще некоторое время в Линьянти, в ожидании более влажной и прохладной погоды. Это время он посвящал лечению больных и проповеди, причем с радостью мог убедиться, что труды его не пропали даром. Он пользовался безграничным доверием макололо, и поучения его внимательно выслушивались и запоминались. Мамир, отчим Секелету, прощаясь с Ливингстоном, сказал ему: «Иисус Христос да будет с тобою и да поможет тебе среди твоих врагов».

3 ноября 1855 года Ливингстон выступил из Линьянти. Его провожал Секелету с двумястами человек. Караван был отправлен вперед, чтобы приготовить ночлег, а Ливингстон, Секелету и еще сорок человек остановились на границе области между Линьянти и Сешеке, где водилась муха цеце. Чтобы избавить животных от ее укусов, надо было сделать переход ночью, когда цеце не летает. Ночь была непроницаемо темна и освещалась только молниями; лошади пугались, люди беспрестанно теряли друг друга; вскоре полил проливной дождь, Что еще более увеличило общее смятение. Секелету ни на минуту не покидал Ливингстона; за жарким днем наступила холодная ночь, и промокший Ливингстон дрожал от стужи. Наконец они вышли к костру, разведенному другими путниками; Ливингстон хотел уже здесь прилечь, не имея чем защититься от холода, так как его одеяло было отправлено вперед, но Секелету не допустил этого: он снял с себя плащ, упросил Ливингстона завернуться в него, а сам лег на голую землю.

Вскоре Ливингстон и Секелету достигли островов на Замбези, где прежде жило племя батока, которое победил и переселил отсюда Себитуане, так как батока грабили проходящих путников. Острова находились поблизости от величественных водопадов на Замбези, которых не видал еще ни один европеец. Могучая, суровая красота этого зрелища поразила Ливингстона более всего, что он видел до тех пор. Замбези, ширина которого в этом месте около двух верст, ниспадает с высоты почти пятидесяти

саженей в узкое и глубокое ложе. Часть падающей воды, отражаясь от базальтового дна, образует высокие пятидесятисаженные столбы числом до пяти; белые внизу, вверху они кажутся черными и, если смотреть на них издали, как будто смешиваются с облаками. Туземцы называют эти водопады Мозиоа-тунья (гремящий дым); Ливингстон в честь английской королевы назвал их водопадами Виктории, изменив на этот раз своему разумному обыкновению за вновь открываемыми местами сохранять туземные имена.

20 ноября Ливингстон простился с Секелету и его свитой и отправился дальше в сопровождении ста двадцати человек, с тринадцатью быками, из которых три предназначались для верховой езды, и некоторым запасом провизии. Первое время путники следовали по красивой и плодородной стране батока и притом только ночью из опасения укусов цеце. Чтобы лучше ознакомиться со страною, поручая людям быков и поклажу, днем Ливингстон шел пешком, хотя солнечный жар и действовал на него изнуряюще. Местность все повышалась, пока путники не достигли наконец хребта возвышенностей, окаймляющих Центральную Африку. Леса перемежались здесь с красивыми травянистыми равнинами, и общий вид местности напоминал Ливингстону Анголу. Люди Ливингстона еще раньше говорили ему об этой стране как о настоящем рае; действительно, растительность достигала здесь необыкновенной пышности; и в лесах, и на лугах можно было видеть большие стада буйволов, антилоп и слонов, почти не боявшихся человека. Помимо изобилия растительной и животной жизни и условий, очевидно благоприятных для земледелия и скотоводства, эта местность отличалась и климатом более здоровым чем другие страны, ранее пройденные Ливингстоном. По-видимому, он нашел наконец то, что так долго и упорно искал – место, вполне удобное для миссионерской станции. Единственным препятствием для осуществления этого плана являлось только безлюдье страны: жившие там батока разбежались и переселились в другие места.

Исследование страны батока утвердило Ливингстона в его предположениях относительно строения южной части Африканского материка. Он пришел к убеждению, что эта часть представляет собою плоскую возвышенность, окруженную с востока и запада невысокими горными хребтами, идущими в меридиональном направлении; середина плоской возвышенности образует впадину, которая некогда была наполнена водою, отчасти уцелевшей в виде озер и нашедшей себе доступ к морю посредством прорыва гор, окаймляющих плоскогорье. Озеро Игами было таким остатком некогда громадного пресноводного

бассейна, а водопады Виктории на Замбези могли служить примером указанного прорыва, происшедшего благодаря землетрясению или проявлению вулканической силы. Эти взгляды Ливингстон развивал в своих сообщениях Лондонскому географическому обществу, найдя случай в разное время послать шесть таких сообщений. В них, как всегда, он смотрит на факты, добываемые им для науки, с точки зрения преуспеяния миссии. Для него самым важным выводом из всех его исследований Африки было убеждение, что если во внутренней, более низменной части Южной Африки природа ставила препятствия для учреждения миссионерских станций, то она как бы сама предназначала для них возвышенности, окаймлявшие эту последнюю, с их более свежим и здоровым воздухом. С другой стороны, реки занимали его как артерии, по которым христианское просвещение должно разноситься по Южной Африке. Его открытия доставляли ему удовлетворение именно как новые пути для осуществления евангельского завета о распространении христианского учения среди всех народов мира. Свое отношение к ним он выразил в следующих словах, которые характеризуют всю его деятельность: «Завершение географической работы есть только начало миссионерской деятельности».

Исследовав с особым вниманием горные местности, обещавшие наиболее здоровые условия для европейских поселений, Ливингстон спустился по восточному склону горы в область батока, не признававших власти макололо. Население здесь выказывало вновь враждебное отношение к путешественникам, и опять дело обошлось без кровавого столкновения только благодаря хладнокровию Ливингстона и умению его обращаться с дикарями. Впрочем, враждебность свободных батока возбуждалась преимущественно видом макололо, сопровождавших белого путешественника. Караван, пользуясь богатством местности, на деревьях которой встречалось много съедобных плодов, и готовностью жителей продавать необходимые припасы, беспрепятственно достиг реки Кафуэ, впадающей в Замбези, и переправился на левый берег ее. Страна, по которой они проходили, благодаря холмам и долинам отличалась красотою и была обработана повсюду, где только представлялась возможность; в водах ее водилось столько бегемотов, что поля были окопаны ямами, ограждавшими их от нападений этих животных; слоны встречались огромными стадами. На берегу реки Чипонга дожди принудили путников к продолжительной остановке. Чтобы избегнуть заболеваний среди своей многочисленной свиты, Ливингстон уже не рисковал идти

по затопленным пространствам, как он делал это на пути в Луанду, и пережидал непогоду, предохраняя от влияния сырости себя и людей. За три версты к востоку от впадения Кафуэ путешественники подошли к Замбези. Берега реки были покрыты широколистным, плотным кустарником, чрезвычайно затруднявшим движение. По обоим берегам тянулись холмы, среди которых водились во множестве буйволы и слоны. Караван двигался по левому (северному) берегу Замбези, обитаемому батока, оставаясь в благоприятных отношениях с последними. Так дело продолжалось до тех пор, пока путники не вступили в область, посещавшуюся португальцами, которых здесь зовут бацунга и которые, занимаясь торговлей невольниками, вооружили против себя население. Дойдя до слияния рек Луангвы и Замбези, Ливингстон увидал развалины португальского поселения. Туземцы не хотели объяснить, почему это поселение оставлено и разрушено. Нетрудно было понять, что это дело их рук, и увидеть опасность, какой они угрожали путникам. Ливингстона огорчала только мысль, что если он погибнет, то все открытое им на пути из Линьянти к востоку останется неизвестным. Почерпая уверенность в сознании исполнения евангельского завета, он на другой день спокойно вышел к целой толпе вооруженных туземцев. Нужно было переправляться на другой берег Луангвы. Хотя у берега были привязаны три лодки, туземцы соглашались дать для переправы только одну. Ливингстон выждал, пока переправились все его люди, оставаясь среди вооруженных дикарей, которых умел занять тем, что показывал им часы, лупу и другие невиданные ими предметы. Далее путешествие продолжалось по берегу Замбези. Здесь уже начинались владения страшного Мпенде, не пропускавшего белых через подвластные ему земли. Окрестные жители так боялись его, что ни за что не хотели дать Ливингстону лодок для спуска вниз по реке. Когда дошли до деревни, в которой жил Мпенде, оттуда вышли люди, которые велели удалиться проводникам из ближайших деревень, а путешественникам не сказали ни слова. Ночь прошла в напряженном ожидании. Около лагеря сновали люди, видимо, следившие за путешественниками, но не дававшие ответов на их вопросы. С раннего утра стали показываться вооруженные отряды, проходившие мимо лагеря. Макололо горели желанием сразиться с ними; Ливингстон удерживал их, хотя и был уверен, что они одержали бы победу над воинами Мпенде. Наконец от неприятельской толпы отделились два старика и спросили, что за чужеземцы пришли к ним? Ливингстон сказал, что он – «лекоа», то есть англичанин. «Такого племени мы не знаем, – отвечали ему, – а думаем, что вы бацунга,

с которыми мы вели войну». Желая убедить их, что он не бацунга, Ливингстон показал им свои волосы и грудь. Его волосы, более длинные, и кожа, более светлая, чем у местных португальцев, заставили дикарей поверить, что он не принадлежит к числу их врагов. Пользуясь благоприятным оборотом дела, Ливингстон послал к Мпенде одного из наиболее толковых и преданных ему людей, Секвебу, попросить продать ему лодку для перевозки больного, которого приходилось нести на руках. Это посольство окончательно расположило Мпенде в пользу белого человека. «Он должен быть нашим другом, если так прямо говорит о своей нужде», – заключил Мпенде и приказал перевезти всех путников на другой берег, так как дорога там была удобнее и прямее.

Здесь уже была страна племени баньяи. Последние относились дружелюбно к путешественникам и требовали только известной части убитой дичи. Хотя караван приближался к португальским поселениям, он встречал еще повсюду в большом изобилии буйволов, антилоп и диких свиней. По мере приближения к границе туземцы предъявляли все большие и большие требования; Ливингстону уже нечего было давать им, и он старался избегать деревень, питаясь со своими спутниками продуктами охоты. Подходя к португальскому поселению Тете, приходилось идти каменистой местностью, где вовсе не было дорог. Ливингстон так устал, что вынужден был остановиться в трех часах пути от Тете и послать письмо к представителям португальской администрации. Рано утром появились португальские офицеры с отрядом солдат, присланные своим начальством в распоряжение Ливингстона.

Принятый весьма гостеприимно португальцами, Ливингстон оставался в Тете более месяца, исследуя окрестные местности и выжидая благоприятного времени для переезда в приморское португальское поселение Килиман. Вылечив от жестокой лихорадки коменданта Тете Сикара, Ливингстон 22 апреля 1856 года двинулся далее по течению Замбези и через четыре дня достиг Сены, полуразрушенного португальского поселения, настолько ослабленного, что зулусы брали с него дань. От Сены Ливингстон спустился до устьев Замбези. Река течет здесь в плоских, лесистых берегах и настолько широка, что с одного берега нельзя видеть другого. Наконец путешественники дошли до оконечности речной дельты, где Замбези разделяется на пять устьев. Муту, устье, которое вело к Килиману, было занесено илом, и нужно было пройти три мили пешком, чтобы добраться до другого устья. Этот небольшой переход доставил много страданий Ливингстону. Мучимый лихорадкой, он должен был идти по сильному зною, среди густой травы, превышавшей рост

человека и преграждавшей доступ воздуха. Пульс его бился так сильно, что каждую минуту он ожидал удара. Перенесенные им трудности окончились в Интерре, португальском поселении, комендант которого Асеведо предложил ему парусное судно с каютой. Ливингстон мог удобно достигнуть Килимана, куда он прибыл 20 мая, проведя более полугода в пути.

Прошло четыре года, как он выехал из Капштадта и начал свое великое путешествие к западному и восточному берегам Африки. Оглядываясь на все испытания, какие ему приходилось перенести, он видел в них только явное доказательство помощи Божией. Более всех открытий его радовало убеждение, вынесенное из путешествий, что во всем мире живут добрые люди и что Бог, видимо, располагал в его пользу сердца черных и белых людей. Во всем пережитом он видел перст Божий и надеялся, что божественное Провидение и впоследствии поможет ему трудиться на благо Африки.

Глава VI. Приезд в Англию

Переезд на родину.– Прибытие в Лондон.– Чествование Ливингстона.– Его книга и ее успех.– Торжественные встречи в университетских городах.– Свидание с рабочими.– Снаряжение экспедиции в Африку.– Отъезд из Англии.

Предполагая из Килимана отправиться в Англию, Ливингстон оставил своих людей в Тете, за исключением восьми сопровождавших его до Килимана. Эти последние весьма желали поехать с ним на его родину; однако Ливингстон боялся взять их ввиду опасности от морского переезда и перемены климата и сделал исключение для одного Секвебу, оказавшего ему много услуг в последнем путешествии. После шести недель, проведенных в доме португальского полковника Нунеса и послуживших для некоторого восстановления здоровья Ливингстона, в Килиман пришел английский бриг, который привез Ливингстону сто пятьдесят фунтов стерлингов (около полутора тысяч руб.), присланных агентами миссионерского общества в Капштадте, чтобы доставить Ливингстону возможность возвращения на родину. Военный корабль предложил бесплатно довезти его до острова Св. Маврикия. Дружелюбное отношение капитана и всего экипажа позволяло Ливингстону думать, что он уже находится на родине; ему трудно было только объясняться по-английски, так как в течение почти четырех лет он был лишен возможности говорить на родном языке. Бедному Секвебу не удалось добраться даже до острова Св. Маврикия: новые впечатления, какие вызывали в нем море и пребывание на военном корабле, подействовали на его рассудок, и в припадке умственного расстройства он бросился в море.

Прибыв на остров Св. Маврикия 12 августа 1856 года, Ливингстон должен был остаться там в гостеприимном доме генерала Гэя, который советовал ему воспользоваться здоровым климатом острова для излечения последствий лихорадки. В ноябре Ливингстон продолжал путь на родину через Красное море. Он рассчитывал встретиться с женою и друзьями в Саутгемптоне. Однако пароход едва не потерпел крушения близ Тунисской бухты, и пассажиры были доставлены только до Марселя. Оттуда через Париж и Дувр Ливингстон проехал в Англию и прибыл в Лондон 9 декабря 1856 года. Еще в Каире им было получено печальное известие о смерти отца, чем отчасти была отравлена радость возвращения на родину. Из Лондона Ливингстон тотчас же проехал в Саутгемптон за женой, с тем чтобы немедленно вернуться в Лондон.

По возвращении в Лондон скромному путешественнику предстояло сделаться предметом самых торжественных чествований и восторженных оваций. 15 декабря в его честь Королевское географическое общество устроило экстренное заседание, в котором председательствовал знаменитый геолог Мерчисон и в числе присутствующих находился друг Ливингстона Освелл. Мерчисон в своей речи перечислил услуги, оказанные науке Ливингстоном, который прошел шестнадцать тысяч верст, определяя положение населенных мест, гор, рек и озер, неизвестных до тех пор, и изучая проходимые им местности в физико-географическом, геологическом, климатологическом и естественноисторическом отношениях. Своими наблюдениями он установил, что внутренняя Африка представляет собою плоскую возвышенность, прорезанную озерами и реками, имеющими сток к океанам, лежащим на западной и на восточной стороне материка. Но выше всего сделанного Ливингстоном, почетнее всех его подвигов президент считал выполнение обещания, данного сопровождавшим его дикарям, ради которого Ливингстон, преодолев столько опасностей, решился вновь подвергнуться им, чтобы привести своих провожатых на их родину. После речи президента Ливингстону была вручена большая золотая медаль. Извиняясь за краткость своей речи вследствие потери привычки говорить на родном языке, Ливингстон сказал, что, стараясь открыть некоторую часть Африки влиянию христианства, он исполнил только долг миссионера. Остается сделать еще весьма много, и предпринятое им можно будет считать оконченным лишь тогда, когда торговля невольниками будет уничтожена и вся внутренняя Африка будет открыта для христианства и торговли. Профессор Ричард Оуэн, под руководством которого некогда работал Ливингстон, подтвердил значение его исследований для зоологии и палеонтологии. Присутствовавшие астрономы, знавшие от своего капштадтского собрата Маклира о точности определений Ливингстона, присоединили выражения своего удивления многочисленностью и совершенством его работ этого рода.

На следующий день, 16 декабря, состоялось в честь Ливингстона торжественное заседание Лондонского миссионерского общества. Председательствовавший в собрании лорд Шефтсбери произнес приветственную речь, в которой сказал, что для общества не может быть более почетной обязанности, как чествовать такого человека, жизнь и деятельность которого посвящены смиренному и искреннему выполнению ангельской песни: «Слава в вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение!» Ливингстон ответил

несколькими словами, в которых благодарил директоров общества за оказанную ему поддержку и объяснял причины медленного распространения христианства среди африканских племен. В заключение лорд Шефтсбери посвятил несколько сочувственных слов жене Ливингстона, напомнив о ее близком отношении к миссионерской деятельности как дочери и жены миссионера, о той помощи, какую она всегда оказывала мужу, пока была с ним, и о тревожных и печальных днях, пережитых ею, когда она, возвратившись в Англию, подолгу оставалась без всяких известий о муже. 5 января 1857 года было созвано лордом-мэром многочисленное собрание, чтобы выработать адрес Ливингстону от города Лондона. Внимание к Ливингстону возросло еще более, когда было получено известие о состоявшемся в его честь торжественном собрании в Капштадте. Королевский астроном Маклир, распространяясь о точности географических определений Ливингстона, объяснил, что число его частных наблюдений доходит до 2812, кроме тех, которые не дошли по назначению или не были сообщены им. «Вся внутренняя Африка, – сказал он, – носит теперь на себе отпечаток Ливингстона. Находясь в любом пункте той области, какую он прошел, теперь можно знать с точностью, где именно находишься… Я утверждаю, что сделанное этим человеком не имеет себе подобного». Капштадтский епископ Томпсон заявил со своей стороны, что нельзя найти человека, который лучше доктора Ливингстона исполнил обязанности священного призвания христианского миссионера и, сознавая всю важность своего дела, привел его к столь успешной цели. Негоциант Реттерфурд, сопровождавший Ливингстона в одну из его поездок, свидетельствовал о его замечательной справедливости, кротости и добросовестности и прибавил, что ему удавалось слышать от него поразительно верные и проницательные суждения об организации торгового дела в Африке. Таким образом, и в столице его родины и в центре той области, где он действовал, вполне признавались его заслуги как путешественника, географа, зоолога, астронома, миссионера, врача и организатора торговой деятельности. Ливингстон ожидал только возможности уехать от этих оваций в Гамильтон, где в то время жили его мать, дети и родные.

Вначале Ливингстон думал пробыть в Англии не более трех-четырех месяцев, чтобы не заставлять своих людей слишком долго ожидать его в Тете. Однако успокоенный обещанием португальского правительства, что оно позаботится о них, он решился продлить свое пребывание на родине. Оно вовсе не было отдыхом для него. Первые месяцы 1857 года он должен был

посвятить описанию своего путешествия, заказанному при посредстве Мерчисона издателем Мерреем. Как говорил сам Ливингстон, литературная работа давалась ему с таким трудом, что он скорее согласился бы проехать еще раз через всю Африку, чем снова написать такую книгу. Правда, его книга, названная им «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке», страдает недостатком цельности, но этот недостаток был естественным последствием спешной работы; по справедливому замечанию его биографа Блэки, если бы Ливингстон «обладал пером Сэмюэля Джонсона или красноречием Эдмонда Борка, он не мог бы произвести большего впечатления; его безыскусственный слог и простая речь как нельзя более гармонировали с его правдивым, чуждым всякого преувеличения характером». В то время, когда Ливингстон писал свою книгу, он жил с семьей у того или у другого из своих друзей. Один из них, Фредерик Фитч, в воспоминаниях о нем рассказывает, что Ливингстон, несмотря на все оказанные ему почести, оставался таким же простым и непритязательным человеком, как и прежде, и бывал недоволен, когда к нему относились как к знаменитости. Он даже избегал выходить на улицу и в церкви садился в уединенное место, чтобы избавиться от оваций. «Путешествия миссионера» вышли в свет в ноябре 1857 года и имели необычайный успех. Несмотря на довольно высокую цену, назначенную издателем, двенадцать тысяч экземпляров были распроданы в короткое время, и понадобилось второе издание. Выдающийся успех книги доставил автору значительную сумму; небольшую часть ее он отделил для воспитания детей, а остальную назначил для поддержания своих дальнейших исследований Африки. Книга была встречена самыми сочувственными отзывами в научной литературе, но, с другой стороны, на нее посыпались упреки за то, что в ней отведено гораздо более места географическим и естественноисторическим вопросам, чем миссионерскому делу. Одна дама из Карлейля написала письмо автору, в котором ставила на вид, что он более ученый, чем миссионер; Ливингстон послал ей следующий характерный для него ответ: «Нигде я не был ничем другим, как только служителем Бога, следующим указаниям Его перста… Я работал на моем поприще кирпичом и известкой, кузнечным мехом и столярными инструментами столько же, сколько проповедями и врачебной практикой. Я знаю, что я не принадлежу себе, что я служу Христу, когда убиваю буйвола для моих людей или занимаюсь астрономическим наблюдением, или пишу кому-нибудь из детей Божиих. Приобретя с Его помощью познания, которые, как я надеюсь, послужат на пользу Африке,

должен ли я скрывать мой светильник под спудом только потому, что некоторые не считают его приличным для миссионера? Зная, что, по мнению некоторых лиц, открытие новой страны для христианства – дело, не подходящее тому, кто пользуется пособиями миссионерского общества, я отказываюсь теперь от содержания, какое получал от общества, находясь в сношениях с ним».

Окончив издание своей книги, Ливингстон уже не отклонял приглашений, вызывавших его в различные места Англии и Шотландии. Торговая палата в Манчестере приготовила ему столько же торжественный, сколько и сердечный прием. Ливингстон воспользовался этим случаем, чтобы ознакомить коммерсантов Манчестера с естественными богатствами Африки и расположить их к установлению торговых сношений с посещенными им странами. Затем его ожидала торжественная встреча в Глазго, где медицинский факультет университета избрал его своим почетным членом, а совет города – почетным гражданином. Особенно трогателен был прием, оказанный Ливингстону обществом шотландских фабричных рабочих и ткачей. На обращенную к нему речь он ответил, что его спартанское воспитание на фабрике в Блентайре послужило основой для совершенного им дела, что в жизни, посвященной работе, надо видеть удел большей части человечества и что бедности не следует стыдиться, так как Спаситель был унижен и беден. Такой же задушевностью отличалось его свидание с фабричными рабочими в Блентайре. Ливингстон должен был посетить Эдинбург, Оксфорд и Кембридж, где ему были поднесены почетные дипломы и где он прочел несколько лекций, возбудивших величайший интерес.

Цель, с которою Ливингстон прибыл в Англию, была достигнута. Своим появлением в общественных собраниях, своей книгой, речами и лекциями ему удалось привлечь общее внимание к делу просвещения Африки и произвести полный переворот в воззрениях на природу и обитателей этого материка. Господствовавшие до тех пор мнения о бесплодности и недоступности его и о свирепости населяющих его народов уступили место более правильным и гуманным воззрениям. Обширный план исследования и просвещения Африки, с которым приехал Ливингстон, теперь легко мог осуществиться. Ливингстон отказался от обязательных отношений к миссионерскому обществу, но его дело уже взяло в свои руки правительство. В феврале 1858 года он получил декрет, подписанный лордом Кларендоном, секретарем министерства иностранных дел, о назначении его английским консулом в

Килимане и руководителем экспедиции для исследования Восточной и Центральной Африки; в помощь ему было назначено шесть специалистов по различным отраслям научной и практической деятельности. После аудиенции у королевы и торжественных проводов он оставил Англию 10 марта 1858 года, увозя с собою жену и младшего сына.

Глава VII. Плавание по низовьям Замбези и по реке Шире. Открытие озера Ширва и Ньяса

Инструкции Ливингстона. – Плавание по Конго и Замбези. – Исследования реки Шире. – Водопады Мурчисона. – Открытие озера Ширва. – Открытие озера Ньяса. – Результаты экспедиции.

Ливингстон и его спутники 10 марта 1858 года отплыли из Ливерпуля. С ними был отправлен в разобранном виде маленький речной пароход «Ма-Роберт», названный в честь африканского прозвания жены Ливингстона. Как только члены экспедиции свыклись с морем, Ливингстон с точностью распределил между ними их будущие обязанности, ознакомил их по инструкциям Оуэна, Мерчисона и других с научными и торговыми целями экспедиции и, со своей стороны, разъяснил нравственное значение ее, которое казалось ему особенно важным. Он настаивал, чтобы его помощники даже животных не истребляли без надобности, и выражал твердую надежду, что им никогда не придется обращать свое оружие против туземцев; с подчиненными он советовал обращаться возможно кротко и в случаях недоразумений действовать в примирительном духе до последней крайности. Новая и тяжелая ответственность, какую Ливингстон принимал на себя, становясь во главе экспедиции, настолько озабочивала его, что это время он считал самым трудным в своей жизни.

После выхода из Сьерра-Леоне погода испортилась, и здоровье жены Ливингстона настолько расстроилось, что пришлось оставить ее с ребенком в Капской колонии. Покинув берега этой последней 1 мая, экспедиция прибыла к устьям Замбези 14 числа того же месяца. Речной пароход был собран, и она направилась в устье Замбези, называемое Конгоне. Пройдя пять миль вверх по Конгоне, пароход через излучистый проток в пятнадцать верст длиною вступил в многоводную Замбези. По Конгоне путники ехали среди густых мангрововых лесов, в которых виднелись громадные древовидные папоротники и дикие финиковые пальмы; леса оглашались пением множества птиц. Далее вверх по Замбези открылись равнины с травою выше роста человека. На правом берегу между бананами и кокосовыми пальмами поднимались стоящие на сваях хижины туземцев. Плодородие этой страны оказывалось поразительным; кроме

обычных овощей тропического пояса здесь произрастали рис, хлопчатник и сахарный тростник. По мнению Ливингстона, одной полосы земли (в двадцать пять верст длиною и пятнадцать шириною), простирающейся от Конгоне до Мазаро, было бы достаточно, чтобы снабдить сахаром всю Европу. Жители здесь были мирные земледельцы, как нельзя более склонные к торговым сношениям.

До острова Симбо за «Ма-Робертом» следовал морской пароход, который привез экспедицию из Европы. Далее он не мог уже идти и выгрузил на острове вещи, принадлежащие экспедиции. При этом у Ливингстона произошло столкновение с офицером, назначенным для управления «Ма-Робертом», и тот потребовал отставки. Ливингстон согласился его отпустить, испробовав все пути к мирному соглашению; не желая обременять других членов экспедиции излишними обязанностями, управление пароходом он принял на себя. К сожалению, последний был построен так неудовлетворительно, что на нем можно было двигаться лишь крайне медленно и с затратой большого количества топлива. Это неблагоприятное обстоятельство усиливалось другим, еще более важным: местность, по которой следовала экспедиция, была охвачена войною между португальцами и мулатом Марианну, занимавшимся разбоями и похищением людей, которых он продавал в рабство. Португальцы, поощрявшие торговлю невольниками и принимавшие в ней участие, терпели разбои Марианну, пока он не касался их владений; они послали против него солдат и изловили его, но брат его Бонга продолжал те же набеги и насилия. Нужно было все умение Ливингстона обращаться с дикими и свирепыми людьми, чтобы благополучно провести экспедицию среди разбойников и туземцев, враждебно настроенных к белым.

8 сентября экспедиция прибыла в Тете, где Ливингстона с восторгом встретили ожидавшие его макололо; численность их значительно уменьшилась: тридцать человек умерли от оспы, а шестеро были умерщвлены дикарями. Убедившись, что Конгоне вполне удобна для судоходства и что при соединении ее с Замбези легко может быть устроен склад европейских товаров, Ливингстон намеревался теперь исследовать, насколько пороги Кебрабоса, лежащие в тридцати-сорока верстах выше Тете, составляют препятствие для судоходства по Замбези. Исследование представило неожиданные трудности. Приходилось двигаться по сыпучему песку или по пояс в воде и перелезать через высокие, раскаленные солнцем скалы. Путь был не под силу даже испытанным макололо; они роптали на своего господина,

находя, что он сошел с ума, и отказывались идти дальше. Ливингстон, оставшись только с доктором Керком и одним проводником, дошел до намеченной цели и убедился, что пороги составляют непреодолимое препятствие для судоходства, за исключением, быть может, времени половодья Замбези. Он решился дождаться высшего подъема воды, которая бывает обыкновенно в конце декабря или в начале января, и тогда попытаться пройти вверх по реке. Невозможность пуститься в такое плавание на малосильном и дурно устроенном «Ма-Роберте» заставила Ливингстона просить о присылке другого парохода; в том случае, если бы правительство отказало в его просьбе, он предписывал своему другу Юнгу употребить для этого дела двадцать тысяч рублей из денег, остававшихся от гонорара за его книгу.

Не желая терять времени, какое требовалось на получение ответа из Англии, Ливингстон решился исследовать неизвестную еще реку Шире, впадающую в Замбези с северной стороны, между Сеной и Мазаро. Его предупреждали, что португальцы напрасно пытались подняться по этой реке: их остановили непроницаемая водяная растительность и враждебность манганджей, живущих на Шире. Тем не менее Ливингстон в январе 1859 года поднялся по Замбези и ниже Сены вступил в Шире. Он встретил только водоросли, приносившиеся в изобилии из соседних болот, и сумел вступить в дружественные сношения с манганджами, угрожавшими ему сперва отравленными стрелами. Проплыв около 250 верст по извилистой реке, путники увидали великолепный водопад, который с общего согласия был назван водопадом Мерчисона. Дальнейшее плавание по реке было невозможно, а движение сухим путем – небезопасно вследствие неприязненности туземцев и дурной погоды. Ливингстон решился вернуться в Тете.

В половине марта он предпринял второе исследование Шире. На этот раз он еще более сблизился с туземцами, охотно продававшими ему съестные припасы, и в особенности с Чибизой, начальником одной из деревень, лежавшей ниже водопада Мерчисона. Оставив около этой деревни пароход, Ливингстон с доктором Керком и пятнадцатью макололо отправился пешком к невиданному еще ни одним европейцем озеру Ширва. Они шли в северном направлении по гористой местности; проводник по недоразумению привел их сперва к болотистому озеру, называемому туземцами Ньянза-Мукулу, и только после больших затруднений путешественники увидали наконец Ширву. Берега озера были покрыты густой камышовой порослью, и в солоноватой воде его водилось множество крокодилов, бегемотов,

рыбы и пиявок. Окрестности обширного озера были замечательно красивы, и само оно, в особенности во время волнения, представляло величественное зрелище. Грандиозность его увеличивалась еще более горами, вздымавшимися на восточном берегу и достигавшими семи тысяч футов над уровнем моря. И на западном берегу тянулась высокая горная цепь, высочайшая вершина которой, Сомба, поднималась с лишком на восемь тысяч футов. Ливингстон слышал от туземцев, что с севера озеро Ширва только узкой полосой земли отделяется от другого, еще более обширного озера, но на этот раз он его не исследовал и поспешил в Тете. Надо было исправить «Ма-Роберт», который дал сильную течь, и затем отправиться к выходу из Конгоне, куда английский бриг должен был доставить провиант. Тогда же Ливингстон нашел нужным уволить двух членов экспедиции, не отвечавших своему назначению.

В половине августа он вновь поехал на Шире, отчасти для того чтобы еще более сблизиться с туземцами, отчасти же для исследования озера, лежавшего к северу от озера Ширва. 28 августа, оставив у Чибизы свой пароход, он выступил с тремя белыми и тридцатью восьмью темнокожими спутниками, из которых двое принадлежали к местным проводникам, с целью разыскать озеро Ньяса. Дорога шла сперва по долине небольшой речки, на берегах которой всюду были видны плантации хлопчатника. Вскоре начался подъем на хребет Манганджа, и характер растительности стал изменяться: появился бамбук, и показались деревья и растения, новые для путников. С вершины названного хребта открывался красивый вид и воздух был так прохладен, что европейцы чувствовали себя превосходно. Со стороны туземцев они повсюду встречали дружелюбный прием и легко приобретали у них нужные продукты в обмен на бусы и ситец. После недельного пути по горным местностям они вступили в долину верхнего течения Шире, лежащую на 1300 футов над уровнем моря и отличающуюся чрезвычайным плодородием и густотою населения. Несмотря на сбивчивые показания туземцев, которые на расстоянии одного дня пути от озера Ньяса утверждали, что в их стране нет ни одного большого озера, Ливингстон продолжал путь и 16 сентября 1859 года открыл озеро Ньяса. На этот раз ему не удалось подробнее исследовать озеро и прилегающую к нему страну. Манганджи, обитавшие в этой местности, продавали невольников арабским купцам, и те с недоверием и страхом смотрели на прибывших англичан. Начальники манганджей, извлекавшие выгоды из торговли рабами, выказывали нерасположение к белым пришельцам, а подчиненные их не верили мирным увещаниям

Ливингстона, считая его принадлежащим к числу работорговцев; в долине верхнего Шире путешественников часто не впускали в деревни и не хотели продавать им съестные припасы. Намереваясь впоследствии возвратиться к озеру Ньяса, Ливингстон оставил его теперь и отправился в обратный путь.

Прибыв в устье Конгоне, он остановился там для исправления своего парохода, из которого приходилось непрерывно выкачивать воду, и в ожидании корабля из Англии с письмами и провиантом. Корабль пришел вскоре, но вследствие сильного волнения не мог подойти к берегу, а лодка, посланная для доставления привезенных бумаг и писем, опрокинулась, и вся переписка, нетерпеливо ожидавшаяся Ливингстоном и его спутниками, очутилась в море. Эта потеря, крайне неприятная для Ливингстона, смягчалась тем, что незадолго до того он получил другим путем письмо из Курумана, в котором жена извещала его о рождении дочери. Впрочем, письмо было написано год тому назад, и все это время Ливингстон ничего не знал о своей жене и новорожденной дочери.

Географические результаты описанной экспедиции были весьма значительны. Наука обогащалась сведениями о неисследованной еще реке Шире и о двух обширных озерах с окружающими их возвышенностями. Открытия Ливингстона имели не меньшую важность и в экономическом отношении. Долина Шире со здоровыми и плодородными горными местностями обещала большие удобства для миссионерских и торговых пунктов; трудолюбивых и искусных во всяких промыслах жителей ее легко было склонить к разведению маиса, хлопчатника, сахарного тростника и прочего и к обмену этих продуктов на европейские товары. По мнению Ливингстона, долина Шире была вполне пригодна и для европейской колонизации. План переселения в эту здоровую страну двадцати-тридцати бедных и честных семейств из Англии тогда особенно занимал его. Он писал о нем Мерчисону, изъявляя готовность употребить из оставшихся у него денег до двадцати тысяч рублей на устройство колонии. С таким же жаром знаменитый путешественник стремился к осуществлению другого плана – подавлению невольничества. В письме к Мерчисону (7 февраля 1860 года) он доказывал, что вооруженный пароход на острове Ньяса, через который перевозились невольники с севера и северо-запада на восточный берег материка, успешнее содействовал бы прекращению ужасного промысла, чем целая военная эскадра на океане. Ливингстон высказывал твердое намерение добиться осуществления своей цели. «Если я останусь в живых, – писал он, – мое предприятие удастся; только смерть может положить

ему конец».

Глава VIII. Возвращение с Макололо в Линьянти. Университетская миссия

Наблюдения Ливингстона на пути к Линьянти. – Радостная встреча населения. – Болезнь Секелету. – Возвращение в Тете. – Прибытие университетской миссии и «Пионера». – Основание миссионерской станции в Магомеро. – Исследование озера Ньяса. – Смерть миссионеров и жены Ливингстона.

Ливингстону предстояло еще отвести своих макололо на их родину. Надо было переждать сырое время года и выждать новой жатвы, чтобы не терпеть недостатка в припасах во время пути; поэтому Ливингстон отложил поездку в Линьянти до мая. После долгих приготовлений караван, к которому присоединился приехавший из Америки брат Ливингстона, Чарльз, выступил в путь 15 мая 1860 года. Многие из макололо пожелали остаться в Тете, и некоторые из примкнувших к экспедиции бежали с дороги; это были люди, успевшие познакомиться в Тете со спиртными напитками и т. п., и оставление ими каравана не было для него потерей.

Ливингстон, проходя мимо водопада Кебрабоса и лежащего несколько выше водопада Морумбва, мог осмотреть их с другой стороны и убедиться в верности своего предположения, что они не могут мешать судоходству по Замбези в половодье. Пройдя около шестидесяти верст по красивым возвышенностям Кебрабоса, путешественники 7 июня достигли равнины Чикова. Эта плодородная местность еще незадолго перед тем кормила многочисленное население; теперь она была оставлена жителями из-за войны и набегов работорговцев; изредка в покинутых деревнях встречались дети; они, а за ними и их матери поднимали крик и разбегались, завидев белых людей. 20 июня караван подошел к месту, где четыре года тому назад Ливингстон переправлялся через Замбези; отсюда начинались уже места хорошо знакомые, и путники не казались туземцам чужими и подозрительными людьми. Даже страшный Мпенде в самом дружественном настроении пришел к Ливингстону и взамен полученных от него подарков подарил ему козу, корзину вареного маиса и корзину полевого гороха. 26 июня караван был у развалин португальского поселения Сумбо, при впадении Луангвы в Замбези. Путешествуя теперь по странам уже

известным, пользуясь удобствами, каких он прежде был лишен, Ливингстон отмечает в своих путевых заметках все особенности проходимых местностей, могущие иметь значение для европейской торговли; он тщательно описывает деревья, травянистые растения и съедобные плоды и изображает поразительное множество встречающихся там млекопитающих и разнообразных птиц. Среди этой богатой природы опустошения, производимые рукой человека, оказывали на Ливингстона особенно удручающее впечатление. Единственную возможность вывести Африку из состояния вечной войны, грабежа и похищения людей он продолжал видеть в учреждении европейских колоний повсюду, где условия местности хотя несколько благоприятствуют тому. Главное препятствие для них – губительную африканскую лихорадку – он не считал непреодолимым. Предохраняющим средством от нее он признавал работу и движение на свежем воздухе, а для излечения ее придумал особые пилюли, состоявшие из ялаппы, каломеля, ревеня и хинина. Во время описываемого путешествия он имел случай испытать действенность этого средства на своем спутнике, докторе Керке; тот подвергся такому сильному приступу лихорадки, что временно лишился зрения и от слабости не мог держаться на ногах; прием пилюль Ливингстона вполне восстановил его. Ливингстон отметил в своих дневниках много оригинальных картин безлюдных местностей, которыми завладели дикие животные: стада слонов, буйволов, зебр, антилоп, пасущиеся на лугах и медленно удаляющиеся при виде каравана, стаи обезьян, быстро скрывающиеся в лесу при появлении путников, огромные стаи цесарок, франколинов, диких голубей, поднимающиеся над лесом. Встреча с громадным черным носорогом в зарослях колючего кустарника едва не стоила жизни Ливингстону.

11 июля караван переправился через Кафуэ при впадении этой реки в Замбези. Дальнейшее движение каравана напоминало собою триумфальное шествие: так радостно и дружелюбно население встречало Ливингстона. Караван оставил Замбези при впадении реки Сонгвы и поднялся на хребет Батока. По волнообразной плоской возвышенности он достиг долины Макололо и 4 августа приблизился к деревням батока, подвластных Секелету. Последний находился в то время в Сешеке, куда Ливингстон прибыл 18 августа. Секелету переживал тяжелое время: он сам был поражен проказой, а страна его терпела от неурожая вследствие недостатка дождей; он жил на противоположном берегу реки и никого не допускал к себе. Однако для европейцев было сделано исключение, и Секелету

просил Ливингстона и Керка дать ему средство от его болезни. В их дорожной аптеке не нашлось лекарства от кожных болезней, и они должны были ограничиться некоторыми внутренними средствами и прижиганием ляписом, что, впрочем, оказало весьма успешное действие. В Линьянти Ливингстона встретили как близкого друга: начальники города выражали горькие сожаления, что им нечем угостить его, так как у них нет ни молока, ни хлеба, ни пива; жены Секелету принесли ему вареного мяса и пирожков, приготовленных ими самими. Повозка Ливингстона, оставшаяся в Линьянти, пострадала только от белых муравьев; люди ничего не тронули в ней, и Ливингстон мог опять пользоваться ящиком с лекарствами, инструментами, книгами и волшебным фонарем. В Линьянти он узнал грустную новость о гибели английской миссии, присланной туда Лондонским миссионерским обществом. Миссионер Гельмор, его жена, трое белых и четверо черных спутников умерли от лихорадки, и даже нельзя было найти их могилы. Зато Ливингстона порадовали известия о Сечеле, начальнике баквена, обращенном им в христианство: он подчинил своей власти девять племен, дал у себя место ганноверской миссии и заботился о процветании школ в своих владениях.

Через три дня Ливингстон вернулся в Сешеке; он не мог там оставаться более месяца, так как в ноябре поджидал новый пароход из Англии. Это было его последнее свидание с Секелету: тот умер в 1864 году, и царство его распалось.

Сообщения Ливингстона о пригодности долины верхнего Шире и страны около озера Ньяса для европейской колонизации возбудили живейшее внимание в Англии, и английские университеты (Оксфордский и Кембриджский) пожелали отправить от своего имени миссию для просвещения народов недавно исследованной области. Эта миссия, называвшаяся «университетской», напряженно ожидалась Ливингстоном, который для встречи ее 4 января 1861 года высадился на берегу Конгоне. Однако раньше миссии прибыл пароход «Пионер», назначенный заменить «Ма-Роберт», затонувший в Замбези. Вскоре два английских крейсера привезли миссионеров; это было первое отделение миссии, состоявшее из епископа Макензи, пяти англичан и пяти цветных людей из Капской колонии. Ливингстон радостно приветствовал их, считая приезд миссии началом новой эпохи просвещения и умиротворения Африки. Епископу Макензи хотелось тотчас же отправиться на место своего служения; но, ввиду возможности стеснений со стороны португальцев на пути по Замбези и Шире, английское правительство прислало Ливингстону поручение исследовать реку Рувуму, впадающую в

океан гораздо севернее (вблизи мыса Дельгадо). Епископ желал принять участие в этом исследовании и на время отвез своих спутников на остров Джоханна (один из близлежащих Коморских островов). Между тем уровень воды в Рувуме успел настолько опуститься, что плавание по ней пришлось отложить до другого времени.

Захватив остальных членов миссии с острова Джоханна, «Пионер» привез их к Конгоне и оттуда направился по Замбези и Шире. Конструкция «Пионера» не оставляла желать ничего лучшего, но, будучи построен и для речного, и для морского плавания, он сидел в воде слишком глубоко, что оказалось существенным недостатком на верхнем Шире. В деревне Чибизы путешественников ожидали тревожные вести. Покровительство португальцев торговле невольниками в этой стране уже было открытым; они воспользовались путями, найденными Ливингстоном, и местность, недавно столь мирная, находилась теперь в величайшем смятении благодаря шайкам аявов, грабившим манганджей и уводившим пленников для продажи в португальские колонии. Вскоре Ливингстон мог лично убедиться в справедливости этих слухов. Начальник деревни, где он остановился, известил его, что здесь должна пройти партия невольников, отправляемая в Тете. Являлся серьезный вопрос, как в этом случае должна поступить миссия? По совету Ливингстона решено было выкупить невольников, чтобы показать туземцам различие между англичанами и португальцами. Но предводители каравана, едва завидев англичан, бежали в лес, бросив рабов. Последние были освобождены из своих цепей и рогаток, и им было предложено возвратиться домой или остаться при миссии; все они, числом восемьдесят четыре, предпочли остаться. Манганджи выказывали большое расположение к англичанам. Чигунда, начальник одной из их деревень, просил Макензи основаться у него, в Магомеро. Ливингстон советовал принять предложение Чигунды, позволявшее миссии поселиться вблизи озера Ньяса и реки Рувумы, вне сферы непосредственного влияния португальцев. Ввиду того, что эта местность терпела от набегов аявов, решено было вступить с ними в сношение. Вскоре аявы появились в окрестностях Магомеро и сожгли одну из деревень. Оставив освобожденных невольников, миссионеры отправились навстречу аявам, чтобы начать переговоры с ними. Однако те окружили их, намереваясь поступить с ними так же, как и с манганджами. На все уверения, что белые пришли с мирными целями, они отвечали стрелами и пулями, наступая все более и более на европейцев. Когда аявы с дикими криками и плясками, продолжая выпускать стрелы и стрелять из ружей,

приблизились к путешественникам на расстояние семидесяти пяти шагов, те поневоле должны были сдержать их натиск оружием. Несмотря на очевидную необходимость, обращение оружия против человека чрезвычайно потрясло Ливингстона; он, никогда не носивший даже револьвера иначе как на охоте, в эти тревожные минуты вынужден был вооружиться. Его заботили и будущие отношения епископа Макензи и его спутников к хищникам, посещавшим эту страну. Все, кроме него, склонялись к насильственным действиям против аявов, чтобы заставить их прекратить набеги. Ливингстон убеждал епископа, решившегося остаться в Магомеро, быть как можно осторожнее и не вмешиваться в распри туземцев. Выбрав удобное место под тенистыми деревьями на берегу реки Магомеро, епископ приступил к основанию поселения, а Ливингстон простился с ним, чтобы заняться исследованием озера Ньяса и окружающей его страны.

Исследование озера Ньяса продолжалось со 2 сентября до 22 октября. Ливингстон измерил поверхность и глубину озера; при этих работах ему приходилось преодолевать такие сильные бури, что однажды он едва не погиб. Еще нигде в Африке он не видал столь густого населения, как на берегах озера Ньяса; на южном берегу деревни почти непрерывной цепью тянулись одна за другой. Местные жители – мирные земледельцы – занимались обработкой риса, маиса, проса, маниока и пр. Страна к северу от Ньясы страдала в то время от набегов мазиту, одного из племен воинственных зулусов. Ливингстону пришлось встретиться с ними, но благодаря его твердости и хладнокровию мазиту не причинили никакого вреда ни ему, ни его спутникам. Местность к северу от озера оказалась гористой; проходя по ней, часто приходилось пересекать речные долины и взбираться по крутизнам; еще незадолго перед тем здесь было многочисленное население, но теперь деревни стояли покинутыми.

Вынужденный оставить дальнейшие исследования озера Ньяса из-за недостатка съестных припасов, Ливингстон спустился по Шире, 8 ноября сел на «Пионер» и направился к устьям Замбези, куда английский корабль должен был доставить его жену, нескольких лиц, принадлежавших к университетской миссии, и новый пароход, предназначенный для плавания по Ньясе. В шести верстах ниже деревни Чибизы «Пионер» наскочил на мель, и потребовалось пять недель, чтобы он мог благодаря подъему воды продолжать путь. 11 января 1862 года пароход наконец вступил в Замбези и дошел до большого устья, Луаба. 31 января показался военный фрегат «Горгона». Первое февраля было радостным днем для Ливингстона: его жена опять была с

ним, и ему был доставлен заказанный им пароход для плавания по озеру Ньяса, названный «Леди Ньяса». Чтобы не пропустить времени разлива Замбези, надо было спешить. Уже 10 февраля «Пионер», нагруженный между прочим и частями нового парохода, поднимался вверх по Замбези. Машины «Пионера» были не совсем исправны и работали плохо. Трудность борьбы с быстрым течением заставила Ливингстона выгрузить «Леди Ньяса» в Шупанге. Он справился с этими неудачами с обычной веселостью, изумлявшею всех, кто его знал. Но в Шупанге его ожидали два удара, которые поколебали и его несокрушимую энергию. Дойдя до деревни Чибизы, он узнал, что епископа Макензи и сопровождавшего его миссионера уже не было в живых. При переправе через Шире их лодка опрокинулась, и все их припасы и лекарства погибли; заболев лихорадкой, они, лишенные всякой помощи, умерли в прибрежной хижине. Узнав об этом несчастии, Ливингстон почти всю ночь просидел в полуосвещенной каюте в глубоком унынии, предвидя, что общественное мнение Англии выскажется против его проекта просвещения Африки и все его труды пропадут даром. Вскоре его постигло еще большее горе. 21 апреля жена его заболела лихорадкой и 27-го того же месяца умерла в Шупанге. Находившийся около него шотландский священник доктор Стюарт рассказывает в своих воспоминаниях, что в первые минуты после ее смерти Ливингстон рыдал, как ребенок. Он сам записал в своем дневнике, что тогда он в первый раз желал для себя смерти.

Глава IX. Исследование реки Рувумы. Последняя поездка в Англию

Плавание по Рувуме. – Пороги. – Опустошение в долине Шире. – Отозвание экспедиции. – Исследование страны на запад от озера Ньяса. – Переезд в Бомбей. – Прибытие в Лондон. – Новая книга. – План третьего путешествия.

Душевный мир Ливингстона раскрывается всего более в его письмах к близким людям; в этих письмах можно видеть, какую незаживающую сердечную рану нанесла ему смерть жены. В дневнике, куда он заносит лишь деловые и научные заметки, почти ни в чем не отражается его горе. Он так строго отделял свою личную жизнь от принятой на себя обязанности, что вскоре после смерти жены вернулся опять к своему делу и занялся собиранием «Леди Ньяса». К сожалению, время года не позволяло провести пароход в озеро того же имени, и этого нельзя было сделать ранее декабря. Шесть месяцев, остававшиеся до нового половодья Замбези, Ливингстон решил употребить на исследование Рувумы, полагая, что эта река вытекает из Ньясы и дает к озеру доступ, свободный от влияния португальцев.

Английский военный фрегат привел «Пионер» на буксире к устью Рувумы. Долина этой реки, окруженная с обеих сторон возвышенностями, вначале имела ширину одного-двух часов пути. Прибрежное население, будучи напугано работорговцами, сперва разбегалось при виде двух больших лодок с белыми людьми; одни племена соглашались уступать путешественникам свои продукты, другие угрожали им стрелами. В одном месте, где река суживается, опасность от дикарей, преследовавших лодки по берегу, обещала сделаться весьма серьезной, и ехавшие на лодках спаслись только благодаря неожиданно поднявшемуся ветру. Выше прибрежные жители оказывались дружелюбнее, но зато река становилась все уже и утесистее. В 259 верстах от устья путники встретили пороги и узнали, что далее проход по реке еще более стесняется скалами. Вместе с тем они узнали, что Рувума не вытекает из озера, а берет свое начало в горах. Это обстоятельство заставило Ливингстона отдать предпочтение пути через Шире.

10 января 1863 года «Пионер», ведя «Леди Ньяса» на буксире, уже поднимался по Шире. Красивая долина реки представляла ужасную картину. Разбойник Марианну по оплошности

португальцев получил свободу и возобновил свои грабежи в еще больших размерах чем прежде. Повсюду виднелись сожженные деревни, блуждающие голодные люди и истлевающие трупы. Несмотря на множество крокодилов река была переполнена человеческими телами; ночью их так много прибивало к пароходу, что утром приходилось очищать от них путь. К этим ужасам присоединялась еще засуха и порождаемый ею голод. Ливингстон употребил все свои усилия, чтобы обратить внимание английского и португальского правительств на страшное положение недавно столь цветущей области, но его письма к лорду Росселю и португальским резидентам ни к чему не повели, кроме бесплодной дипломатической переписки и неисполненных обещаний.

Пароходы поднимались с большими затруднениями вследствие постоянно возраставшего обмеления реки; на одной мели пароход должен был оставаться около двух недель, прежде чем мог двинуться дальше. Дойдя до первого из водопадов Мерчисона, «Леди Ньяса» в разобранном виде надо было нести на пространстве около шестидесяти вест и для этой цели очищать дорогу от камней и деревьев. За недостатком овощей все продовольствие состояло из соленого мяса, что вызывало сильные дизентерии. Доктор Керк и брат Ливингстона настолько расстроили свое здоровье, что возвращение в Англию для них казалось необходимым. Наконец и сам Ливингстон занемог и проболел более месяца. Оставшись только с двумя из спутников, он все еще не отказывался от намерения доставить пароход до озера Ньяса. Это намерение не осуществилось, так как была получена депеша лорда Росселя, отзывавшая экспедицию на том основании, что ее цель – проложить новый торговый путь для Англии – не была достигнута и стоимость ее превысила первоначальные предположения. Ливингстон предугадывал это решение своего правительства, и оно огорчало его только в том отношении, что полагало конец его стремлениям противодействовать провозу невольников через озеро Ньяса. До сих пор он надеялся, что правительство возьмет на себя часть расходов по сооружению «Леди Ньяса», стоившей ему более пятидесяти тысяч рублей, но в депеше лорда Росселя о возмещении его затрат не говорилось ни слова: на помощь правительства уже нельзя было надеяться. Ливингстон решился продать «Леди Ньяса» и на вырученные деньги продолжать дело исследования и просвещения Африки.

По распоряжению правительства «Пионер» должен был возвратиться в Англию. Ранее декабря, то есть до наступления половодья, этого сделать было нельзя, и Ливингстону хотелось

воспользоваться свободным временем для обозрения северной части озера Ньяса и области, лежащей на запад от него. Его прежние спутники уже не в силах были примкнуть к нему в новом путешествии, но сам он в предстоявшей ему тяжелой работе находил лишь возможность вырваться от угнетавших его несчастий и неудач. Насколько непрерывная, напряженная деятельность была присуща его натуре, мы видим из тех мест его писем, где он по поводу смерти жены говорит о загробной жизни. В них заметно нечто вроде предчувствия скорой кончины и невозможности завершить начатое им дело, однако смерть не кажется ему окончанием всякой деятельности: он не может примириться с мыслью, что душа его, покинув тело; будет осуждена на бездействие. На вопрос одного из миссионеров, думает ли он вернуться в Англию вместе с экспедицией, Ливингстон ответил: «Мой долг не указывает мне возвращения домой, и потому я остаюсь».

Предпринятое им путешествие на запад от озера Ньяса ему пришлось совершить пешком в сопровождении одного белого и нескольких чернокожих спутников. Он открыл тогда горный хребет, названный им хребтом Керка, тянущийся от западной стороны водопадов Мерчисона до северной оконечности озера Ньяса, и, двигаясь далее в северо-западном направлении, прошел через плодородную страну, тщательно обработанную руками женщин и засеянную маисом, поднимавшимся выше головы человека, хлопчатником, просом, бобами, маниоком и тыквами. Между маленьким озером Чиа, соединяющимся рукавом с Ньясой, и бухтой Кота-Кота оказалась также весьма населенная страна. В половине сентября Ливингстон оставил названную бухту и направился на запад от озера по дороге, служившей для торговли невольниками, к деревням, находившимся под властью Катанги и Казембе в стране Лунда. Пройдя через богатую, хорошо обработанную долину, он с большим трудом поднялся на горный хребет, откуда открывался необыкновенно красивый вид на озеро; к западу простиралась волнообразная плоская возвышенность, а на севере, в некотором отдалении, виднелись темные горные массы. 27 сентября Ливингстон пришел к деревне Чинанге, расположенной на рукаве Луангвы, но, к сожалению, за недостатком времени далее проникнуть не мог. 1 ноября он уже вернулся к оставленным им пароходам. Насколько это путешествие изнурило его, можно видеть из дневника, где он говорит, что, по возвращении к исходному пункту мышцы у него и у его спутников «были тверды, как доски, и во всем теле не оставалось ни одной унции жиру».

В половине января 1864 года вода в Шире настолько

поднялась, что пароходы могли выйти оттуда. На Замбези вода была также высока; проплывая по этой реке, Ливингстон еще раз мог подтвердить свое мнение, что в руках энергичных людей, при небольших исправлениях фарватера, судоходство здесь вполне возможно. В половине февраля английские фрегаты повели «Леди Ньяса» и «Пионер» на буксире в Мозамбик. Во время этого перехода жестокая буря едва не погубила все суда. Передав «Пионер» морским офицерам как правительственную собственность, Ливингстон решил отправиться на «Леди Ньяса» в Бомбей, чтобы продать там свой пароход, затем побывать в Англии, в надежде расположить влиятельных людей к мерам против торговли невольниками, и потом опять вернуться в Африку с целью найти путь в ее внутренние страны, находящиеся вне португальского влияния.

16 апреля он вышел на «Леди Ньяса» из Мозамбика и через неделю уже был в Занзибаре. Хотя ему не советовали пускаться в путь ввиду скорого наступления времени муссонов, особенно опасных при первом их появлении, однако Ливингстон 30 апреля 1864 года вышел в Индийский океан. Экипаж его состоял из трех англичан: истопника, матроса и плотника, семи взрослых чернокожих и двух мальчиков; обязанности капитана исполнял он сам. Плавание представило немало опасностей – от опасных течений до безветрия; тем не менее 11 июня Ливингстон, сделав на своем пароходе две с половиной тысячи морских миль, увидал берег Индии. При входе в бомбейскую гавань маленький пароход среди других был почти не заметен. У Ливингстона недостало духа тогда же продать «Леди Ньяса», и он оставил ее в Бомбее, все еще надеясь найти в Англии людей, которые помогли бы осуществлению его мысли: положить конец торгу невольниками на озере Ньяса. Он занял 1200 рублей на дорогу и, отплыв с одним из своих людей в Англию, 23 июля благополучно достиг Лондона.

После торжественных приемов у лорда Пальмерстона, герцогини Веллингтон и других лиц высшего общества Ливингстон поспешил в Гамильтон для свидания с матерью, сестрами и детьми. Там он в первый раз увидал свою младшую дочь Анну-Марию, которой уже было шесть лет. Все дети наконец были около него, за исключением старшего сына Роберта, сражавшегося в Америке за освобождение негров. По приглашению Британского общества развития наук, собиравшегося в этом году в Бате, Ливингстон должен был прочесть на общем собрании съезда доклад о своем путешествии и положении Африки; в этом докладе он беспощадно отозвался о поощрении португальцами торговли невольниками, что вызвало

величайшее неудовольствие португальского правительства. Вслед за тем он получил приглашение от Вэбба и его жены, которых знал еще в Колобенге, погостить в их замке, некогда составлявшем собственность Байрона. Ливингстон поселился у них со своей дочерью Агнессой и написал тогда свое второе сочинение: «Рассказ об экспедиции на Замбези и ее притоки». 15 апреля 1865 года книга была окончена. В то время, когда автор еще работал над нею, в Ньюстед приехал член Королевского совета, которому было поручено лордом Пальмерстоном узнать, чего Ливингстон желал бы от правительства для себя и для своих детей? Ливингстон просил обеспечить свободу плавания по Замбези и Шире посредством особого договора с португальцами. Не упоминая вовсе о себе и детях, он просил о месте для доктора Керка, чтобы дать тому возможность написать задуманную им книгу по естествознанию. Уже независимо от Ливингстона, по ходатайству Мерчисона, Чарльз Ливингстон был назначен консулом в Фернандо-По. Американский посланник обещал позаботиться о судьбе Роберта, но вскоре было получено известие о его смерти в одном из госпиталей Новой Каролины.

25 апреля Ливингстон простился со своими гостеприимными хозяевами и уехал в Лондон. Там ему дан был от Королевского общества блестящий обед, на котором присутствовали высшие представители духовенства, администрации и ученых обществ. По возвращении в Шотландию ему вскоре пришлось похоронить свою мать. В Гамильтоне он присутствовал на раздаче школьных наград, одну из которых получил его сын Освелл. По желанию присутствующих, Ливингстон сказал короткую речь ученикам. Это была последняя речь, произнесенная им публично в Англии; После того он уехал в Лондон, чтобы готовиться к новому путешествию в Африку.

План его третьего путешествия заключался в том, чтобы пройти к северу от португальских владений, по Рувуме или по другой реке, внутрь материка и попытаться найти там удобное место для поселения, с целью распространения христианства и цивилизации и установления правильных торговых сношений между восточным берегом и внутренней Африкой. По поручению Лондонского географического общества он должен был исследовать область между северной оконечностью озера Ньяса и южной оконечностью озера Танганьика, чтобы решить вопрос о водоразделах Южной Африки. Географическое общество назначило ему для этого путешествия пять тысяч рублей, а один из его друзей, пожелавший остаться неизвестным, дал десять тысяч рублей. Министерство иностранных дел выдало ему единовременно пять тысяч рублей и назначило его английским

консулом на всем пространстве от португальской границы до Абиссинии и Египта, но без жалованья и без пенсии. Ливингстон, преодолев горечь оскорбления, вызванного подобным отношением к нему правительства, простился с друзьями, которые обещали ему позаботиться о его детях (чего, впрочем, не исполнили), и в половине августа 1865 года в последний раз покинул родину.

Глава X. Путешествие к озеру Танганьика. Открытие озер Моэро и Бангвеоло

Исследование области между рекой Рувумой и озером Ньяса.– Движение к озеру Танганьика.– Река Чамбезе.– Открытие озера Моэро.– Каземба.– Открытие озера Бангвеоло.– Путь в Уджиджи.– Попытки дойти до Луалабы. – Прибытие в Ньянгве. – Возвращение в Уджиджи

11 сентября Ливингстон уже был в Бомбее. Продажа «Леди Ньяса» являлась теперь неизбежной, но она дала не более двадцати тысяч рублей; к несчастью, и эти деньги погибли вследствие несостоятельности Индийского банка. 28 января 1866 года Ливингстон прибыл в Занзибар и вынужден был ожидать там почти два месяца прихода английского фрегата, назначенного доставить его к устью Рувумы. 19 марта он отбыл из Занзибара в сопровождении тринадцати сипаев (индийских солдат), двух людей из Шупанга и десяти с острова Джоханна, двух темнокожих мальчиков из свиты Макензи и девяти других, освобожденных из неволи и возвращавшихся на родину. Кроме того, он вез с собой несколько животных: верблюдов, индийских буйволов, мулов и ослов, в надежде, что они окажутся нечувствительными к укусам мухи цеце и разведутся в Африке.

От бухты Рувумы Ливингстон намеревался отправиться пешком; но берега реки в устье были покрыты зарослями и находились под водой; поэтому он высадился в бухте Микиндани. 4 апреля с радостным сознанием важности совершаемого им дела неутомимый путешественник выступил в путь. По возвышенным и лесистым местностям он вскоре дошел до того пункта, где в свое первое путешествие по Рувуме должен был повернуть назад, и через два дня достиг слияния Лоенди с Рувумой. Страна к западу, по которой шла дорога к северной оконечности озера Ньяса, по рассказам туземцев, оказывалась слишком гористой и неспокойной от набегов мазиту; тогда Ливингстон двинулся в юго-восточном направлении, к средней части озера Ньяса. Повсюду ему приходилось видеть следы опустошительной деятельности работорговцев. Перейдя через Тулозу, один из южных притоков Рувумы, он попал в возвышенную, хорошо обработанную и густо населенную страну; но туземцы, не нуждавшиеся в европейских товарах, которыми их в изобилии наделяли торговцы невольниками, не хотели продавать съестных

припасов. Ливингстону с его людьми приходилось терпеть жестокую нужду. В городе Моембе оказалось, однако, возможным достать все необходимое, вследствие дружелюбного отношения к Ливингстону начальника города, Матаки. Благоприятные климатические и хозяйственные условия Моембе наводили Ливингстона на мысль о возможности основать здесь европейское поселение; однако отдаленность этих территорий заставляла отдавать предпочтение местности, избранной на Шире. В Моембе Ливингстон отправил назад сипаев, оказавшихся непригодными для него, так как они мучили и изводили привезенных животных, не хотели работать и склоняли к тому же других.

Отдохнув у гостеприимного Матаки и запасшись продовольствием, Ливингстон 8 августа достиг озера Ньяса. Арабы отказывались перевезти его на другую сторону, и он повернул к югу, надеясь найти переправу на Шире. Его люди, взятые с острова Джоханна, оставили его тогда под предлогом опасности, какою угрожали мазиту. Ливингстон отпустил их без малейшего сожаления, потому что они жестоко обкрадывали его; чтобы оправдать свое бегство, они, вернувшись в Занзибар, распустили слух о смерти Ливингстона[1]. На самом деле, избежав столкновений с мазиту, Ливингстон повернул в область, населенную марави (одним из племен манганджей), и подвигался к северо-западу, не забывая исследовать вопрос о водоразделе Средней Африки. Слухи о появлении мазиту часто заставляли его менять направление; как он сам говорит, маршрут его походил на движение корабля, борющегося с ветром. После многих обходов в половине декабря он пришел к берегу реки Луангвы и, переправившись через нее, взял направление к озеру Танганьика. Путешествие пешком доставляло ему много затруднений: приходилось терпеть большие лишения от голода, от движения по темным, труднопроходимым лесам и от дождей. Опасности, какие он переносил, увеличились еще более от потери ящика с лекарствами, с которым бежал один из носильщиков. «Для меня это было своего рода смертным приговором», – говорит Ливингстон в дневнике, но в то же время прибавляет, что еще более чем прежде, надеется на Бога, не оставлявшего его среди бесчисленных опасностей.

28 января 1867 года он достиг реки Чамбезе и очутился в стране Бемба. В деревне Молембе, которою управлял Читапангва, он был хорошо принят последним и нашел возможность послать с арабами, отправлявшимися на восточный берег, письма в Англию. Дожди и сильный приступ ревматической лихорадки задержали Ливингстона в Молембе. Далее ему пришлось идти болотистыми местами и переходить вброд через разлившиеся речки. «С каждым

шагом, – пишет он в дневнике, – я чувствую, как у меня болит грудь и как я слабею; я едва в силах идти, между тем как прежде всегда был впереди всех. У меня беспрерывный звон в ушах, и я не могу даже слышать стука моих часов». От резиденции Казонзо, властителя обширной области около озера Лимба, то есть южной части озера Танганьика, оставалось лишь несколько дней пути до этого озера; но путь затруднялся многочисленными речками и дурным состоянием здоровья Ливингстона. Наконец он увидал зеленоватые воды громадного озера. Слабость Ливингстона доходила до такой степени, что лишь величайшими усилиями воли он поддерживал в себе видимую бодрость; однако силы уже настолько оставили его, что однажды он упал, ударился головою об ящик и пролежал несколько часов в бессознательном состоянии. Оправляясь медленно за недостатком лекарств, великий географ прожил неделю в маленькой деревеньке на берегу Танганьики, утешаясь только созерцанием мирной и величавой картины обширной поверхности озера.

Дальнейшею целью, какую ставил себе Ливингстон, было исследование озера Моэро (Мверу) для решения вопроса, принадлежит ли оно к бассейну Конго или Нила? Ради защиты от нападений мазиту и от туземцев, не заслуживавших доверия, он присоединился к арабскому каравану и выступил с ним в путь 22 сентября 1867 года. Переваливая через лесистые горы, переправляясь через широкие реки и проходя болотистыми пространствами, 8 ноября Ливингстон пришел к северной оконечности озера Моэро, причем сделав новое, весьма важное открытие. Он убедился, что это озеро на своей южной оконечности принимает в себя Луапулу, которая на северо-западном конце его вытекает под именем Луалабы; впоследствии для него выяснилось еще более значение его открытия для решения вопроса о водоразделе Средней Африки. В то время он посетил могущественного властителя, который, подобно своим предшественникам, носил титул Казембе, то есть военачальника; он строго управлял своими подданными, казня их отсечением рук или ушей за самые ничтожные проступки, но Ливингстона принял милостиво. По своему обыкновению Ливингстон убеждал его отказаться от торговли невольниками и от жестокости по отношению к подчиненным; Казембе только смеялся в ответ на его слова, однако отпустил по его просьбе пленного араба Магомета бен Сале, который пожелал остаться при Ливингстоне и идти вместе с ним в Уджиджи. Ливингстон более всего стремился в этот город на Танганьике: туда должны были прийти выписанные им вещи и вести с родины, которых он не имел уже два года. Наводнение вследствие дождей не позволяло пуститься

в путь, и Ливингстон воспользовался этим временем, чтобы обозреть другое неизвестное озеро, о котором он давно уже слышал, под названием Бемба, или Бангвеоло. Даже Магомет не советовал ему предпринимать этой поездки, трое из его людей отказались идти с ним, и тем не менее Ливингстон с четырьмя оставшимися у него чернокожими юношами предпринял задуманное путешествие. Часть пути он совершил с арабом Магометом Богхарибом, знакомство с которым впоследствии оказало ему большую пользу. 18 июля 1868 года Ливингстон открыл озеро Бангвеоло, одно из самых значительных озер в Средней Африке; он увидал, что с восточной стороны в него впадает Чамбезе, текущая с севера под названием Луапулы. К сожалению, перевозчики не хотели провезти его по всему озеру, как он желал, и с середины озера ему пришлось вернуться. Хотя и тяжелы для перехода, но весьма любопытны были болота, питающие озеро; Ливингстон верно оценил значение таких мест, состоящих из губчатой, пропитанной водою почвы, хранящей в себе влагу даже в сухое время года. Он думал, что в них следует искать начало истоков Нила, которые он вообще предполагал южнее в отличие от путешественников, занимавшихся до него этим вопросом. Для него выяснилось теперь направление течения мощной Луалабы до выхода ее из озера Бангвеоло, но его еще занимал вопрос, соединяется ли эта река с системой Нила? Решение его он отлагал до следующего путешествия, намереваясь идти прямо к Уджиджи. 30 июля он оставил озеро Бангвеоло, пристав к арабскому каравану, направлявшемуся в названный город. Движение его задерживалось множеством препятствий вследствие беспокойного состояния страны. Дойдя до озера Моэро, он соединился с Магометом Богхарибом и своими людьми, отказавшимися идти с ним, а теперь умолявшими его опять принять их на службу.

Начало 1869 года, которым открывается второй том «Последних дневников» Ливингстона, изданных уже после его смерти, еще застало его на пути в Уджиджи. Вследствие постоянной сырости и невозможности менять платье он страдал тогда более чем когда-нибудь. Мучительный кашель с кровохарканьем не оставлял его ни днем, ни ночью; слабость все возрастала, и болезненно возбужденный мозг вызывал перед ним тяжелые галлюцинации: то ему мерещился лес, то дерево, кора которого покрыта человеческими лицами; то он видел себя мертвым, лежащим на дороге. Идти он уже был не в силах, и Магомет Богхариб устроил для него носилки; но беспрестанные толчки от неровной дороги не давали ему необходимого покоя; от слабости он едва только мог держать в руках широкие древесные

листья для защиты от солнца. Наконец 13 марта, отощав как скелет, Ливингстон достиг Уджиджи. Но и здесь надеждам его не суждено было осуществиться: припасы, которых он ждал, отчасти не дошли до Уджиджи, отчасти же были расхищены. Единственным утешением послужили для него фланель и небольшой запас чаю, кофе и сахару; на несколько уцелевших кусков бумажной ткани он купил масла, муки и выменивал молоко. Теплая одежда и сравнительно обильное питание поправили его здоровье настолько, что он отделался от своего кашля и мог ходить. И все-таки в одном из писем к дочери неутомимый путешественник шутливо говорит о своем положении: «Я переломал свои зубы от маиса и твердой пищи; мой рот теперь стал так безобразен, что я могу послать тебе поцелуй только через рупор».

С восстановлением сил Ливингстон после четырехмесячного пребывания в Уджиджи возвратился к своему намерению исследовать направление Луалабы. В эти четыре месяца он написал множество писем; но они намеренно уничтожались арабскими торговцами, которым поручалась доставка корреспонденции в Занзибар, из опасения, что в письмах говорится об их злоупотреблениях и жестокостях по отношению к туземцам. Долго оставались без удовлетворения просьбы Ливингстона о предоставлении ему лодки для переезда на западный берег Танганьики, где начинается страна маньемов, куда он теперь хотел проникнуть. 12 июля Ливингстон достал лодку с девятью гребцами и отправился в новое путешествие. 21 сентября он достиг Бамбаре, одного из главнейших поселений названной страны, и, отдохнув там более месяца, 1 ноября двинулся далее на запад. Восхищаясь красивой плодородной местностью, он шел, не встречая препятствий со стороны туземцев, пока не достиг реки Луамы, впадающей в Луалабу. Прибрежные жители, страшно потерпевшие от грабежей арабских торговцев, несмотря на все увещания Ливингстона отказались дать ему лодку и заняли такую угрожающую позицию, что он должен был вернуться в Бамбаре и только в конце декабря предпринял вторую попытку дойти до Луалабы в сопровождении Магомета Богхариба. Насколько настроение Ливингстона было еще бодро в то время, можно видеть из заметки в его дневнике от 1 января 1870 года: «Да поможет мне Всевышний закончить начатое предприятие и до истечения года вернуться через страну басангов».

Дикими местами, лишенными всяких дорог, через ручьи и болота продвигался он на север, пока не дошел до деревни Мамогелы, где помещался Катомбо, начальник партии,

пришедшей из Уджиджи за слоновой костью. Пользуясь сведениями его людей, Ливингстон пытался составить наиболее удобный маршрут на Луалабу. В Мамогелу он пришел больной, так как дорогой сильно страдал от сырости, а в названном месте заболел еще дизентерией. Но и после выздоровления ему долго пришлось ждать выступления, так как глинистая почва от продолжительных дождей была непроходима. 26 июня Ливингстон во второй раз направился к Луалабе в сопровождении только трех спутников, поскольку остальные отказались продолжать с ним путь; из этих трех имена Сузи и Чумы никогда не забудутся за их преданность своему хозяину. Везде дружелюбно встречаемый туземцами, он испытывал подозрительное отношение со стороны арабов, производивших различные насилия над последними. Узнав, что Луалаба не протекает в северной части страны, куда он направлялся, Ливингстон повернул к юго-западу. Но лесистые и болотистые места затрудняли ему путь; от постоянного движения по болотам и илу ноги его распухли и покрылись ранами до такой степени, что 22 июня 1870 года он вновь возвратился в Бамбаре, где, за неимением лекарств, пролежал в хижине восемьдесят дней в сильных страданиях; но и это время не пропало у него даром: кроме чтения Библии, он писал много писем и заносил в свой дневник соображения об истоках Нила. Наконец Ливингстон излечился, смазывая, по совету туземцев, раны смоченным порошком малахита.

Слабость, какую он ощущал, не удержала бы его от новой попытки достигнуть своей цели, но ему пришлось ждать прибытия каравана, который должен был доставить носильщиков, письма, лекарства и товары для обмена с туземцами. Караван прибыл лишь 4 февраля 1871 года, причем оказалось, что большая часть товаров была оставлена и растрачена в Уджиджи, а десять носильщиков, прибывших с караваном, желали вернуться назад, уверяя, что им поручено привезти Ливингстона в Занзибар. Потребовалась вся его энергия и обещание увеличить вдвое их содержание, чтобы возможно было попытаться еще раз решить вопрос первостепенной географической важности: соединяется ли Луалаба с Нилом или составляет верхнее течение Конго? 16 февраля Ливингстон вышел из Бамбаре и на пути узнал из расспросов, что Луалаба течет в юго-западном направлении, а это указывало на вероятность последнего предположения; тем более ему хотелось теперь проследить ее течение. Продвигаясь в западном направлении, 31 марта он пришел в Ньянгве, торговое местечко, расположенное на Луалабе; здесь она делает поворот к северу и достигает ширины трех верст. Все его старания

приобрести лодку для исследования Луалабы не имели успеха. Арабские торговцы и в особенности его новые проводники распускали слухи, будто он едет с целью истребления и грабежа туземцев, вследствие чего те не хотели пустить его дальше. Ему пришлось быть свидетелем таких наглых и беспощадных насилий и убийств со стороны торговцев восточного берега, что он заболел от ужасного зрелища и ни за что не хотел путешествовать вместе с этими кровожадными людьми. Его новые слуги объявили, что они не пойдут дальше, и Ливингстон со стесненным сердцем должен был отправиться в обратный путь, то есть в Уджиджи. По дороге он едва избег гибели от рук туземцев, принимавших преданного им друга за одного из арабских грабителей. Физические страдания заставили его остановиться на некоторое время в Мамогеле и Бамбаре, но еще более мучили его неосуществившиеся надежды, исполнение которых казалось ему столь близким. Впрочем, он не дал воли своей досаде и, продолжая путь после выздоровления, 23 октября вернулся в Уджиджи.

Глава XI. Свидание со Стэнли. Последнее путешествие и смерть Ливингстона. Заключение

Прибытие Стэнли.– Поездка в Уньяньембе.– Движение по озеру Бангвеоло.– Трудности пути.– Потеря сил.– Кончина Ливингстона.– Доставление тела его в Занзибар.– Погребение в Вестминстерском аббатстве.– Результаты деятельности Ливингстона.

В Уджиджи Ливингстон узнал, что араб Шериф, посланный к нему с товарами из Занзибара, растратил все, что ему было поручено. Ливингстон не думал о наказании этого человека и, когда тот к нему пришел, только не подал ему руки и сказал: «Если б я был араб, за твое воровство тебе отрубили бы уши и руки». Обессиленный, ниоткуда не ожидая помощи, Ливингстон сравнивал себя с человеком, ограбленным разбойниками на дороге между Иерусалимом и Иерихоном, о каком говорится в Евангелии. Менее всего он надеялся, что какой-либо благодетельный самаритянин поможет ему. Между тем 10 ноября его слуга Сузи прибежал к нему запыхавшись и объяснил, что идет «англичанин». Ливингстон вышел посмотреть на прибывшего, о котором говорил Сузи, и увидал целый караван с тюками товаров, с ваннами, котлами, кастрюлями, палатками и т. п. «Какой это, должно быть, богатый путешественник! – воскликнул Ливингстон. – Видно, что средства его не истощены так, как у меня».

Это был американец Генри Стэнли, посланный издателем американской газеты «New York herald» для отыскания Ливингстона. Как описывает Стэнли, он увидал перед собою бледного, еще нестарого на вид человека, только с проседью в темно-русых волосах, но уже с белой бородой; на нем была голубая фуражка с полинялым золотым галуном (присвоенная консульскому званию), красная куртка и серые панталоны. Из писем, привезенных Стэнли, Ливингстон мог узнать, что английское правительство не забыло о нем, назначив ему десять тысяч рублей единовременно и три тысячи ежегодного содержания. Присланные для него запасы невозможно было провезти из Уньяньембе вследствие войны, стеснявшей движение караванов. Стэнли поделился с ним всем, чем только мог, и заботился всеми мерами о восстановлении его сил. Будучи сам человеком крайне выносливым, Стэнли тем не менее высказывает

неподдельное удивление характером Ливингстона. «Кротость и надежда, – говорит он, – никогда не оставляют его; никакие страдания, лишения и заботы, даже разлука с родиной и близкими людьми не вызывают в нем жалобы. „В конце концов, все к лучшему“, – говорит он, твердо веря в благость Провидения… Он соединяет в себе мужество спартанца, непоколебимость римлянина и выносливость англосакса. Он дает волю своему юмору, и, когда смеется, смех охватывает его всего. Память Ливингстона достойна изумления; несмотря на то, что четыре года у него вовсе не было книг, он может читать наизусть целые стихотворения из многих английских поэтов. Религия его отличается практическим характером и лишена всякой напыщенности и навязчивости; она проникает собой всю его деятельность и определяет отношения к людям, с которыми он соприкасается. Без ее влияния, при пылком темпераменте и смелости, Ливингстон мог бы казаться жестким; религия его сделала мягким, уступчивым и привлекательным в обращении».

Оба путешественника отправились в Уньяньембе, куда прибыли 18 февраля 1872 года. Здесь Стэнли убеждал Ливингстона вернуться на родину, восстановить свои силы и уже потом приступить к окончанию задуманного им дела. Но непоколебимый пионер говорил, что друзья ожидают его возвращения после открытия истоков Нила; в доказательство этого он показывал письмо своей дочери (Агнессы). Великий путешественник высказал твердое намерение остаться в Африке и закончить свое предприятие. Запасы, предназначенные для него в Уньяньембе, оказались разграбленными, и Стэнли уступил ему часть своих запасов, что, впрочем, для Ливингстона было настоящим богатством. Простившись со Стэнли 14 марта 1872 года, Ливингстон еще четыре месяца пробыл в Уньяньембе в ожидании людей из Занзибара. В это время он занимался астрономическими наблюдениями, черчением карт, приведением в порядок геологических заметок об Африке и составлением длинного письма в газету «New York herald» с целью побудить американцев принять меры для подавления невольничества на восточном берегу Африки; вместе с тем Ливингстон собирал сведения от арабов и туземцев об окружающей стране, лечил больных и изучал нравы животных. Он готовился к путешествию, в котором должен был дойти до озера Бангвеоло, изучить его притоки с южной стороны, двинуться на запад для обозрения истоков Нила, упоминаемых Геродотом, и через Уджиджи вернуться на родину.

14 августа пришли люди, ожидавшиеся из Занзибара, и 25-го того же месяца Ливингстон выступил в путь. Жар был

невыносимый, многие заболевали, и болезнь самого Ливингстона начинала принимать серьезный характер; но он все еще крепился и то ехал на осле, то шел пешком. 8 октября отряд вновь увидел озеро Танганьика и пошел горными местами, из которых многие были ему уже знакомы. В начале февраля 1873 года Ливингстон пришел к озеру Бангвеоло. На дальнейшем пути дожди и наводнения, переправы через реки и болота упорно преследовали его. 26 марта он дошел до Чамбезе; и на другой стороне реки ничего не было видно, кроме затопленных пространств, над которыми высокие муравейники возвышались как острова. Тогда он замечает в своем дневнике, что «в таких наводнениях, быть может, заключается причина выступления Нила из берегов»; таким образом, надежда отыскать истоки Нила вес еще не оставляла его. Однако движение по болотистым, покрытым водою пространствам, вместе с лишениями и заботами, подорвало наконец его силы, и организм его утратил ту беспримерную способность сопротивления, какою отличался до тех пор. С конца марта у Ливингстона начались геморроидальные потери крови, чрезвычайно ослаблявшие его организм. И все-таки он не переставал наблюдать окружающую природу и заносил результаты в свой дневник. В половине апреля состояние его ухудшилось; он не мог уже ни идти, ни ехать верхом, и его надо было нести в носилках. Он направлял свой путь к юго-западу, надеясь добраться до сухой местности. 20 апреля Ливингстон был еще в силах совершить обыкновенную воскресную службу, но в последующие дни мог только проставлять числа в своем дневнике. 27 апреля он записал дрожащим, неразборчивым почерком: «Совершенно обессилел и остаюсь здесь, чтобы отдохнуть – послал купить двух молочных коз – мы на берегах Молиламы». Козьего молока, которого так хотел больной, не могли достать, и слабость его все возрастала. День 29 апреля 1873 года был последним днем его странствований. Он чувствовал себя столь слабым, что не в силах был выйти из дверей хижины; пришлось проломать стену, чтобы положить его на носилки. Колебание носилок во время пути доставляло ему жестокие мучения; он часто просил останавливаться и отдыхал. Придя в деревню в стране Илала, его люди наскоро построили для него хижину и положили его на постель из травы; дорожный ящик заменял стол у постели. На следующее утро к нему пришел Читамбо, начальник деревни, но Ливингстон уже не мог принять его. В ночь на 1 мая он два раза просил позвать к себе любимого слугу Сузи: один раз, чтобы узнать о причине шума, доносившегося до него, а другой, чтобы принять лекарство. В четыре часа утра мальчик, спавший в хижине, с тревогой пришел

к Сузи. «Поди к господину, – сказал он, – я боюсь: не знаю, жив ли он». Сузи вместе с Чумой и тремя другими людьми поспешили в хижину Ливингстона и при свете восковой свечи увидали его стоящим на коленях у постели. Сперва вошедшие подумали, что он молится, но когда мальчик сказал, что он уже давно в таком положении, они подошли ближе. Тогда они заметили, что жизнь уже оставила его. Голова страдальца была опущена на сложенные руки; смерть, вероятно, застала его во время молитвы.

Верные слуги Ливингстона, Сузи и Чума, решили, что тело его должно быть доставлено в Занзибар для отправления на родину. Не говоря уже о громадном расстоянии, какое предстояло для этого пройти, выполнение их намерений затруднялось суевериями туземцев, которым покойники внушают непреодолимый ужас. Тем не менее набальзамированное и высушенное тело Ливингстона они несли на носилках, вступая иногда в настоящие сражения с дикарями. Девять месяцев продолжались эти беспримерные похороны. На пути шествие было встречено английским лейтенантом Камероном, посланным Лондонским географическим обществом для отыскания Ливингстона; Камерон советовал похоронить Ливингстона в Африке, но Сузи и Чума не послушали его. В феврале 1874 года они достигли Багамойо и передали останки Ливингстона капитану английского корабля; оттуда верные слуги проводили их до Занзибара, исполнив свой долг до конца; они бережно сохранили все записки, дневники и карты Ливингстона.

По доставлении в Лондон тело Ливингстона было выставлено в помещении Лондонского географического общества. 18 апреля оно было предано земле в Вестминстерском аббатстве, усыпальнице великих людей Англии. Над гробом укреплена черная мраморная доска со следующей надписью:

> «Перенесенный верными руками через сушу и море, покоится здесь
> **ДАВИД ЛИВИНГСТОН, миссионер, путешественник и друг человечества.**
> Тридцать лет его жизни были посвящены неутомимому стремлению распространить Евангелие среди народов Африки, исследовать неразгаданные тайны и уничтожить торговлю невольниками, опустошающую Среднюю Африку».

Смерть Ливингстона обратила глаза всех к великому выполненному им делу. Необыкновенное сочетание в одном лице путешественника и миссионера, человека науки и энергического деятеля, героического исполнителя своего долга и истинного

друга людей нашло наконец себе оценку. В речах, произнесенных в ученых обществах, и в статьях научных журналов, написанных по поводу смерти Ливингстона, воздавалось должное его заслугам на поприще географических открытий и распространения цивилизации на громадном пространстве «темного» материка, из непроницаемого мрака которого благодаря ему выступила площадь около двухсот шестидесяти тысяч квадратных миль. Как замечает немецкий географ Бэм, достаточно взглянуть на карту Южной Африки, чтобы признать в Ливингстоне одного из самых неутомимых и успешных путешественников всех времен и чтобы видеть, как необычайно много сделано им для обогащения наших сведений о неизвестных нам частях земного шара.

Великое значение открытий Ливингстона заключается не только в их совершенной новизне и в громадности охватываемого ими пространства: они были открытием известной лишь на своих окраинах половины обширного Африканского материка влиянию европейского религиозного и научного просвещения. Сделанное Ливингстоном было слишком значительно и слишком жизненно, чтобы оно могло остаться достоянием лишь специалистов-географов и естествоиспытателей. Описанное им огромное пространство земли, приближавшееся по своему богатству к самым счастливым странам Юго-Восточной Азии и тропической Америки, не могло не привлечь к себе общего внимания. Все, что нужно и можно было сделать для Южной Африки в ее интересах и в интересах европейской колонизации, было намечено Ливингстоном, и оставалось лишь идти по следам его. Так оно и было в действительности. Стэнли начал с того, на чем остановился Ливингстон, и, совершив самое важное из своих открытий, спустившись от Ньянге до устьев Конго, закончил лишь то, чего не успел сделать Ливингстон. В местах, указанных Ливингстоном, были проведены дороги и учреждены миссионерские станции. Толчок, данный им вопросу о торговле невольниками, также не остался без последствий, и эта страшная язва Африки потеряла свой острый, беспощадный характер. Вопрос колонизации Африки нельзя еще считать решенным, но фактическое разделение ее, в виде установления международной области Конго и сфер влияния Англии, Германии и других государств, указывает, какой огромный шаг сделан для сближения нашей части света с «темным» материком. Для того чтобы колонизация Африки не была повторением колонизации Америки и островов Тихого океана по своей жестокости к туземцам, постыдной для имени христианских и цивилизованных народов, остается и далее выполнить программу Ливингстона –

принести туземцам Африки просвещение в духе христианской любви и братской помощи. Ливингстон своей жизнью и личностью дал великий образец того, как надо просвещать темных людей: он показал, что для этого их надо располагать к себе и учить своим примером. В истории землеведения и естествознания можно встретить имена более крупные, чем его имя, но в истории христианского просвещения и распространения гуманного отношения к людям едва ли в новейшее время найдется другой образ, который был бы окружен более ясным и чистым ореолом, чем образ шотландца-рабочего Давида Ливингстона.

Источники

1. Missionary Travels and Researches in South Africa (1857, 2 vol.) by *D. Livingstone.*

2. Narrative of an expedition to the Zambesi and its tributaries (1865) by *D. Livingstone.*

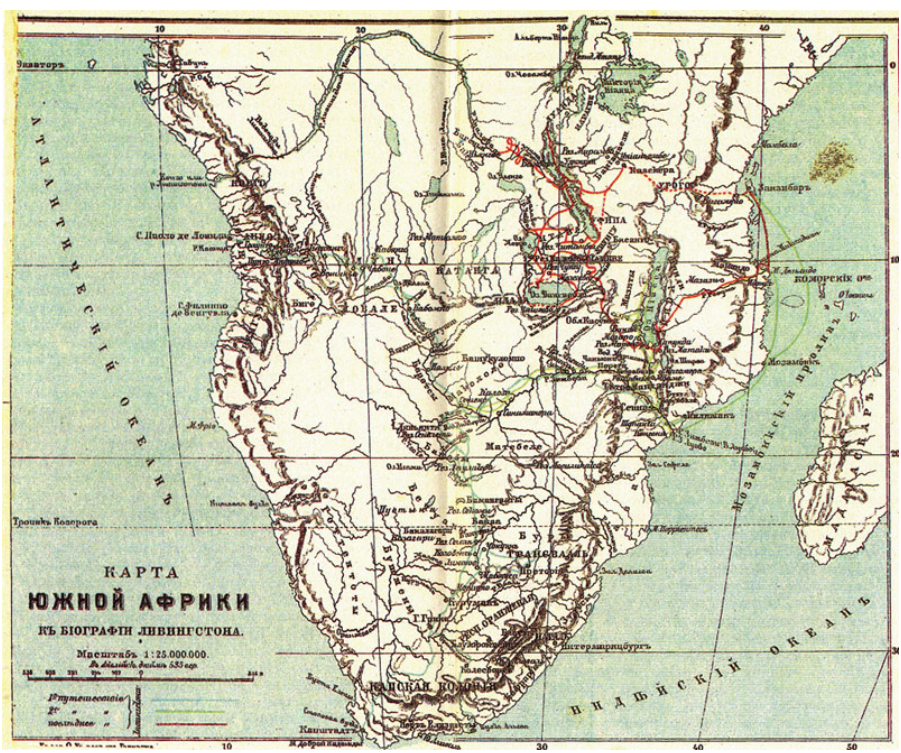
3. The last journals of David Livingstone in Central Africa from 1865 to his death (1874).

4. Das Leben David Livingstones nach seinen unveröffentlichen Tagebüchern und Briefen. Von *William Garden Blaikie,* übersetzt von *Otto Denk.* Gütersloh, 1881.

5. David Livingstone. Ein Lebensbild des grossen Entdeckers und Missionars, von *Dr. Gustav Plieninger.* Stuttgart, 1885.

6. Uebersicht aller Reisen von Livingstone von 1840—1869, in «Petermans Mittheilungen», 1870. mit Karte 9—10, und von 1866—1873, ib. 1875. mit Karte 5—10.

Карта Южной Африки



notes

Примечания

1

Эти слухи дошли до Англии, и по настоянию Мерчисона была послана экспедиция под предводительством Эд. Юнга; вблизи южной оконечности озера Ньяса она собрала достоверные сведения о том, что Ливингстон жив, и вернулась назад